

1

Тепл на бамбуке

Любовь, родившаяся из пепла войны,
горит ярче любого пламени
и светлее любой звезды

Гу Салань

18+

Гу Салань

Пепел на бамбуке

«Автор»

2026

Салань Г.

Пепел на бамбуке / Г. Салань — «Автор», 2026

Линь Сюань — Первый клинок Севера и безупречный праведник Облачного Пика, чьё имя внушает трепет. Его жизнь была подчинена строгому долгу, пока роковая миссия в Хрустальном гроте не изменила всё. В результате запретного алхимического ритуала его меридианы оказываются намертво связаны с Янь Цзинем — зловещим Владыкой Чёрного Пепла. Теперь фиолетовый узел Контракта Хранителя заставляет двух заклятых врагов делить одну энергию Ци и одну жизнь на двоих. Стоит одному погибнуть — погибнет и другой. Пока шпионы плетут заговоры за спиной, а Великий Корень жаждет заклания «Сосудов» в день совершеннолетия, Линь Сюань вынужден скрывать свою темную связь. Сможет ли он удержать Ян-иней своего меча, когда внутри него просыпается скверна заклятого врага? И какую цену придется заплатить, чтобы разорвать узы фальшивого рая Поднебесной?

© Салань Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 1	11
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 2	14
ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 3	16
ГЛАВА 2. МИССИЯ В ХРУСТАЛЬНОМ ГРОТЕ Часть 1	18
ГЛАВА 2. МИССИЯ В ХРУСТАЛЬНОМ ГРОТЕ Часть 2	20
ГЛАВА 2. МИССИЯ В ХРУСТАЛЬНОМ ГРОТЕ Часть 3	23
ГЛАВА 3. ПИЛЮЛИ ИЗ ГОРЬКОГО МИНДАЛЯ Часть 1	25
ГЛАВА 3. ПИЛЮЛИ ИЗ ГОРЬКОГО МИНДАЛЯ Часть 2	27
ГЛАВА 4. ОХОТА НА БЕЛОСНЕЖНОГО ЖУРАВЛЯ Часть 1	30
ГЛАВА 4. ОХОТА НА БЕЛОСНЕЖНОГО ЖУРАВЛЯ Часть 2	35
ГЛАВА 5. ОБНОСКИ ПРОСТОЛЮДИНОВ Часть 1	40
ГЛАВА 5. ОБНОСКИ ПРОСТОЛЮДИНОВ Часть 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Гу Салань

Пепел на бамбуке

Пролог

Поднебесная веками молилась на лазурные одежды Облачного Пика, слепо веря, что истинное спасение исходит лишь оттуда, где величественные летающие скалы пронзают морозное небо Севера. Заклинатели бескрайнего, темного, эгоистичного и жестокого мира Цзянху привыкли верить, что Небесный Закон — это чистейший, незамутненный Свет, безупречные праведные кодексы, высеченные на древних гранитных стелах, и великая, милосердная медицина, способная исцелить любые раны и повернуть вспять само угасание смертного духа. Веками люди из нищих, изрезанных колеями и иссушенных долин поднимали истощенные, серые лица к заснеженным вершинам, шепча слова искренней благодарности бессмертным мастерам, чьи мечи оберегали покой империи от тёмной скверны, нашествий свирепых тварей и набегов еретиков Западного Предела.

В сознании простых смертных Облачный Пик был не просто школой заклинателей, он являлся нерушимым оплотом божественного порядка, где святость мерилась белизной одежд, а справедливость — карающим холодом истинных праведников. Каждый адепт, ступающий по зеркальному мрамору тренировочных площадок Севера, казался обычным людям существом высшего порядка, лишенным земных пороков, страстей, низменных желаний и слабостей. Империя безропотно отдавала свои лучшие богатства, редчайшие духовные камни и чистейших детей на алтарь этой лазурной веры, надеясь, что Небесный Закон защитит их от хаоса, болезней и неумолимой Тьмы Бездны.

Заклинатели Севера казались идеальными стражами, чьи сердца были чисты, как вечный лед горных хребтов Куньлуня, а помыслы направлены лишь на служение общему благу Поднебесной. Сияющие ордена гордились своими многовековыми устоями, а Совет Великих Кланов железной рукой карал любое проявление инакомыслия, именуя его демонической ересью. Смертные правители долин платили огромную дань рисом, шелком и золотом за право находиться под защитой лазурных клинков. Этот порядок казался незыблемым, высеченным в самом основании мира, и никто не смел сомневаться в том, что благородные старейшины Севера, Юга и Востока действуют исключительно во имя милосердия и процветания империи.

Сакральная география по всем Четырем Пределам была выстроена так, чтобы вся духовная энергия Поднебесной стекалась к центральным алтарям орденов, высасывая жизненные силы из периферии ради процветания сияющих пагод. Смертные почитали заклинателей как полубогов, принося им жертвы и моля о заступничестве перед лицом безжалостной стихии Цзянху.

Но что произойдет, если этот сияющий, ослепительный рай на поверку окажется всего лишь искусно выбеленной стеной огромной, хладнокровной и расчетливой скотобойни? Что, если великие Учителя, чьи благообразные лица кажутся одухотворенными ликами древних божеств, — это безжалостные кукловоды, которые годами взращивают своих лучших, преданных учеников как обычный домашний скот? Что, если каждая пилюля очищения, поднесенная наставником с мягкой отеческой улыбкой, и каждый выверенный круг многочасовой медитации — это лишь способ подготовить Золотые ядра юных заклинателей к финальному, мучительному закланию ради продления угасающей жизни их стареющих мастеров? Ради одного-единственного глотка эликсира истинного бессмертия, способного удержать стареющую, гнущую изнутри плоть великих старейшин, достигших стадии Зарождения Души, от неизбежного тлена.

Великие ордена веками скрывали эту страшную, кошунственную тайну за занавесями из благовоний и золотыми рунами подавления. Поднебесная росла, питаемая кровью собственных детей, даже не подозревая, что сияющие залы пагод — лишь чистые стойла, где Сосуды послушно ждут своего двадцать первого года, когда их меридианы будут принудительно вскрыты, а жизненная эссенция выпита до самой последней капли. Те, кто провозгласил себя щитом человечества, оказались самыми страшными хищниками, которые когда-либо ступали по этой иссушенной земле. Они создали идеальную систему лжи, в которой жертва до самой последней секунды благодарила своего палача, глотая яд под видом священного лекарства и почитая свое грядущее уничтожение как высшую милость Небес.

Природная энергия, собиравшаяся годами упорных тренировок, шла на пропитание монстрам, которые маскировали свой трупный запах ароматами дорогих благовоний и пафосными речами о долге перед империей. Старейшины Совета Великих Кланов хладнокровно рассчитывали объемы Ци, созревающей в телах их преемников, и вели строгий математический учет, где имена лучших гениев поколения вписывались в секретные свитки как обычные инвентарные номера расходного сырья. Когда Золотое ядро достигало пика своей чистоты, ученика вызывали на финальный «экзамен», который оборачивался беззвучной и жуткой расправой в глубоких алхимических гротах. Израненное тело сжигалось, а очищенная жизненная сила перетекала в стареющий дантянь наставника, возвращая ему былую молодость и силу. Эта система была отточена до совершенства, меридианы учеников настраивались на частоту Ядра учителя через пилюли, чтобы в момент заклания энергия не встретила ни малейшего сопротивления плоти.

Это история о великом, сокрушительном предательстве и нерушимой, пугающей верности, рожденной среди пепла сожженных иллюзий. Когда былая праведность рушится со звоном разбитого хрусталя, а те, кому ты молился как богам, оборачиваются безжалостными мясниками, у выживших не остается иного выбора, кроме как принять Тьму Бездны в качестве своего единственного спасительного оружия.

Линь Сюань, Первый ученик Севера, Старший мастер и самый чистый, безупречный клинок ордена Облачного Пика, всю свою жизнь хладнокровно и справедливо судил еретиков, искренне веря, что защищает праведный порядок Поднебесной и оберегает покой невинных. Он рос в святой убежденности, что его долг — искоренять тёмную скверну, где бы она ни появлялась. Его боевой стиль, основанный на безупречной магии Кристаллизации Инея, был эталоном для сотен из двенадцати тысяч младших адептов ордена, а прямой длинный меч «Байсюэ» разил врагов без промаха, замораживая саму влагу в воздухе. Линь Сюань был лицом, гордостью и чистейшим щитом Облачного Пика. Его имя гремело по всем Четырем Пределам, его почитали как идеального праведника, лишённого земных слабостей.

Среди двенадцати тысяч послушников Облачного Пика лишь триста человек имели статус Внутренних учеников — элиты, допущенной к верхним пагодам и сложнейшим техникам. И для каждого из этих детей Линь Сюань был живым божеством. Младшие адепты выстраивались живым коридором, стоило ему появиться у ворот, ловили каждый его взгляд и затаивали дыхание на тренировочных площадках. Его любили за негласное, тайно введенное им орденское правило — «Час бамбукового узла». Раз в неделю, скрывшись от суровых глаз судейской палаты на нижних утесах, Линь Сюань лично брал бамбуковый гребень и помогал младшим послушникам распутать обмерзшие на ледяном ветру смоляные волосы, скрепляя их простыми деревянными заколками-цзи. Для маленьких сирот это был единственный час тепла, где величайший Старший мастер Севера становился защищающим братом, а не карающим судьей Поднебесной.

Там же, среди бамбуковых рощ, вечно крутилась Мо Сюэ — его шестнадцатилетняя названная сестрица, хрупкая, близорукая целительница в круглых сползающих очках, чья Ци была настроена на созидательное траволечение. Она не умела держать тяжелую сталь, но пре-

данно следовала за Линь Сюанем во всех тренировочных миссиях, вроде опасного очищения Хрустального грота от ледяных тварей. Девочка тайно прятала в его дорожный мешочек сушеные лесные ягоды и мяту, чтобы Старший брат мог заглушить странный привкус горького миндаля, остававшийся во рту после пилюль Учителя. Линь Сюань оберегал её меридианы во время орденских вылазок, обещая, что пока «Байсюэ» в его руке, ни одна тварь Цзянху не посмеет коснуться младших учеников.

Он не знал, что его собственное происхождение с самого младенчества тайно запечатано лазурными рунами Подавления, а тёмный яд «Тень Пяти Лепестков», мерно пульсирующий в его жилах под видом очищающего лекарства, — лишь способ удержать в узле его истинную, пугающую природу Истинного Хозяина Ян-Света Севера. Каждая пилюля сжимала его меридианы, заставляя их работать на износ, вытягивая Ян-энергию из костей и превращая его Ци в концентрированный нектар для его наставника. Паразит годами прорастал под кожей тонкими, невидимыми капиллярами, оплетающими Золотое ядро, лишая парня возможности почувствовать свою истинную силу. Цан Хай растил его не из отеческой любви, а как фермер бережно выращивает редкий, сочный плод, подливая отраву. Линь Сюань был для него «Сосудом Номер Один», живым эликсиром, чье Золотое ядро должно было быть поглощено в полночь его двадцать первого дня рождения.

Когда завеса лжи спала, обнажив страшную реальность алхимических подземелий, идеальный мир Первого ученика разлетелся на тысячи осколков. Безупречный праведник превратился в беглого изменника, обреченного медленно умирать от запущенного на полную мощност паразита, преданного орденом и преследуемого собственными братьями по оружию. Его Ян-ци выкипала зеленоватым паром, меридианы плавилась, а бывшая святость превратилась в проклятие, выжигающее тело изнутри. С каждым часом ядовитые нити под кожей пульсировали всё яростнее, стремясь замкнуться у самой шеи и полностью разрушить дантянь беглеца. Он бежал через заснеженные перевалы, оставляя за собой лазурные следы угасающей магии, преследуемый Безликими Карателями двухтысячного элитного корпуса Фэн Мо, которых сам когда-то тренировал для защиты Небесного Закона.

Янь Цзинь, Владыка Чёрного Пепла и Хозяин Долины Призраков, нес в своем истерзанном, покрытом шрамами сердце леденящую, первородную Тьму Западного Предела и вековую, выжигающую душу боль по истребленному Клану Безмолвной Ночи. Десять лет назад армии Совета Великих Кланов под предводительством Облачного Пика ворвались в его родные каньоны ночью, без объявления войны. Праведники в белых халатах хладнокровно вырезали его пятитысячное семейство, сожгли обсидиановые пагоды и разграбили древние медицинские архивы, назвав геноцид Клана «очищением Поднебесной от скверны».

Выживший двенадцатилетний Янь Цзинь — последний законный наследник первородной крови древнего девятихвостого демонического лиса Бездны, тёмного священного зверя Западного предела — бежал через Черные шахты Юга, придя к Кровавому Контракту с Тьмой, который оставил уродливое обугленное клеймо над его сердцем. Он вырос среди мародеров и наемников Южного тракта, спрятав свою вековую боль под маской ленивого, циничного бродяги со сломанным веером «Цзюфэн» за поясом. Его абсолютно белые волосы серебряным саваном развевались на ветру — знак высших лисьих демонов Запада, а единственная пепельная прядь у левого виска напоминала о погребальном костре его отца Яня Ли. Он научился черпать силу из самой Бездны, превращая Мо-ци в сокрушительные звуковые лезвия и скрывая свои перемещения в пепельном дыму. При каждом использовании Инь-магии от его тела летел хлопьями серый ледяной пепел, устилающий землю.

По законам империи они с Линь Сюанем должны были стать заклетыми, непримиримыми врагами, чье смертоносное столкновение предрешиено судебскими кодексами и Небесным Законом Поднебесной. Демон Запада и праведник Севера — их битва должна была закончиться гибелью одного из них на радость Совета Клана, закрепив вечную победу лазурного

неба над тёмной землей. Янь Цзинь веками копил силы в Черных шахтах, выковывая свое оружие из обсидиановой крошки и заклиная меридианы на вечную месть палачам своего рода. Его боевой веер разгонял застоявшиеся туманы, выпуская невидимые лезвия ультразвука «Шёпот Черного Бамбука», способные крушить базальтовые стены и ломать доспехи Безликих Карателей.

Под его циничной маской портового гуляки скрывался холодный, расчетливый ум стратега, готового сжечь Поднебесную ради того, чтобы вырвать свой Сосуд из лап Облачного Пика. Его Инь-ци была настолько плотной, тяжелой, что мостовая под его босыми ногами трескалась, покрываясь базальтовым инеем, а фамильный лис Хуань беззвучно скользил в его тени, выслеживая ищеек Совета.

Но суровая, насмешливая судьба связала их разорванные, израненные меридианы в один неразрывный, пульсирующий фиолетовый контур Ци через принудительные узы Контракта Тёмного Хранителя. Цан Хай десять лет назад уничтожил Клан Безмолвной Ночи именно ради того, чтобы подчинить себе силу Хранителя-Лиса и мистической печатью Подавления намертво привязать его к своему Сосуду Света.

Когда яд «Тень Пяти Лепестков» перешел в свою финальную необратимую стадию, выжигая каналы Линь Сюаня Ян-лихорадкой и заставляя его выплевывать бледно-зеленый пар, леденящая Инь-Тьма Янь Цзиня оказалась единственным спасением во вселенной. Чтобы праведный Хозяин лазурных рун не сгорел изнутри до рассвета, Контракт принудительно запустил древний круг Медианного Резонанса Ци, вывернутый безмолвной Бездной наизнанку. Тёмный Хранитель-Лис и его Сосуд Света — они были вынуждены делить один замкнутый силовой барьер, поддерживая непрерывную циркуляцию энергий посреди рушащегося, прогнившего мира смертных и заклинателей.

Каждую ночь, смыкая пальцы рук в жесткой фиксации в точках Хэ-гу и Лао-гун в полумраке заброшенных заимок и сырых аптек, они заставляли свои энергии перетекать из одного тела в другое без остатка: Ян-тепло Линь Сюаня согревало замерзшее Инь-ядро демонического лиса, а могильный холод Янь Цзиня гасил раскаленный пожар паразита внутри его Хозяина. Их Ци сплелись в тугую фиолетовую спираль, стирая границы между Светом Севера и Тьмой Запада, превращая их в единый, монолитный контур, способный выдерживать удары миллионов судебных армий.

Этот вынужденный, принудительный контакт меридианов на бамбуковой циновке оборачивался для Линя Сюаня тяжелым психологическим ангстом. Его праведная душа выла от удушающего стыда, ведь мысль о том, что тёмный еретик силой Контракта контролирует его меридианы, вызвала у Первого ученика инстинктивное отторжение, смешанное с удушающим осознанием полной физиологической зависимости от своего Хранителя. Но страшнее всего было то, что скрывалось за финальной ложью Учителя. Цан Хай перед своей смертью успел провернуть свою последнюю, самую кошунственную ментальную интригу. Зная, что они скованы Контрактом Хранителя, он извратил мотивы лиса и внушил Линь Сюаню, что Янь Цзинь защищает его лишь ради того, чтобы дождаться пика лихорадки, сожрать его Ян-ядро и выпустить скрытые девять хвостов Бездны, обретя абсолютное демоническое всемогущество.

Эта удушающая, страшная тайна детективного недоверия превратила каждый их последующий общий выдох в мучительное испытание. Мысль о том, что его верный Тёмный Лис — это скрытый хищник, выжидающий момент для его поглощения, заживо выжигала разум Линь Сюаня, заставляя его Золотое ядро испуганно сжиматься. Но фиолетовый узел их Контракта намертво, проклято удерживал их вместе — если они разорвут Резонанс Ци хотя бы на одну ночь, меридианы праведника просто сгорят к рассвету, уничтожив и Хранителя. Они стали заложниками собственной смертоносной связи, деля одну циновку и один пульс, но сходя с ума от ангста и подозрений среди полынных каньонов Дикого Запада.

Каждое движение Ци Янь Цзиня оборачивалось суровой выкачкой скверны, принося телу спасение, а разуму — нескончаемую пытку. Их Медианный Резонанс стал извращенным, болезненным лабиринтом, где каждый шаг приближал их к разгадке старых тайн кукловода, но отдаление означало мгновенную мучительную смерть от Ян-взрыва. Они удерживали Контур неподвижно, часами сохраняя жесткую фиксацию ладоней в точках Лао-гун под прикрытием широких рукавов, чувствуя, как фиолетовый контур Ци сшивает их истерзанные судьбы в один неразрывный узел, проклятый всеми орденами Цзянху. Чистый зеленый бамбук их жизней заживо покрывался пеплом тёмного заговора.

Мира, где за левым плечом Хозяина Чёрного Пепла беззвучно, словно бледный нефритовый призрак, скользила перерожденная в Бездне Минмин — немая Владычица Погребального Инея, ставшая карающей Правой Рукой Бездны. Когда-то она была той самой шестнадцатилетней послушницей-целительницей Мо Сюэ, названной сестрицей Линь Сюаня, которая тайно принесла героям свитки детективного заговора Цан Хая. Девочка погибла, когда активированный кукловодом «Корень Бездонной Скорби» полностью выпил её Ци ради эликсира бессмертия. Чтобы спасти её угасающую душу от окончательного уничтожения, Линь Сюань и Янь Цзинь провели запретный ритуал, скрестив остатки её сознания со своим фиолетовым контуром Ци.

Мо Сюэ переродилась в жуткое, немое и бессмертное существо — Минмин. Её прошлая способность исцелять и очищать меридианы вывернулась безмолвной Бездной наизнанку: её матово-белая кожа стала прочной, как холодный базальт, пустые глаза налились ровным фиолетовым пламенем Бездны, а маленькие ладони украсили длинные фиолетовые когти, источающие концентрированный сок паразита. На Плавающих рынках Восточного Предела, где под опекой Лю Ин скрывались обреченные 420 молодых лекарей, её Тёмная Акупунктура обрушивала на врагов град игл из черного льда, которые вонзались точно в акупунктурные узлы Карателей, вызывая полный, беззвучный паралич дантяня. Минмин стала бесшумной смертью, скользкой в их тенях, готовая рвать армии Совета по первому движению веера.

Судебная Палата Совета Великих Кланов Поднебесной никогда не знала сомнений. Канцелярия палачей работала с безупречной, леденящей точностью. Младший мастер Шэн Юй, грозный глава судебных отрядов и Первый кнут ордена, шел по их следам, ведомый долгом и старыми обетами. Тяжелая боевая цепь «Громовой кнут» тускло и зловеще поблескивала своими метеоритными железными звеньями, готовая в любую секунду выпустить первый предупреждающий веер лазурных молний. Человек, чье сердце было соткано из чистейшего горного снега Севера, не мог в один день превратиться в тёмное чудовище. Здесь крылась скрытая детективная интрига, которую старейшины Облачного Пика тщательно пытались похоронить под матовыми черными масками Безликих Фэн Мо, зачищая любые следы настоящих экспериментов Цан Хая. Дружба Шэн Юя превращалась в карательный поход, где названный брат шел по пятам за тем, кого опутали удушающим Контрактом Хранителя, готовый пробить любые чары Тьмы ради спасения их общего прошлого.

Отрекшись от фальшивых богов, лицемерных наставников и судебных кодексов Поднебесной, предав свои ордена и полностью приняв родовые тёмные искры в зрачках, они вышли на Мятажные Шлюзы, чтобы бросить вызов миллионным армиям верховных судей. На их стороне встали бывший командир Палаты Шэн Юй, чей «Громовой кнут» разил врагов фиолетово-лазурными молниями, и Старейшина Лю Ин, спасающая 420 молодых лекарей от заклятия под Корнем.

Мятажные Шлюзы содрогнулись, когда объединенная Ци медианного резонанса Мастера Света и его Тёмного Лиса взмыла в небо гигантскими фиолетовыми драконами льда и пламени. Сокрушительный ураган расколол площадь пополам, начисто стерев кольцо блокады Совета Великих Кланов и пробив им свободную, чистую дорогу сквозь пепелище былой империи. Они заставили Мятажные Шлюзы запеть в такт их новому, фиолетовому закону Тьмы. Беглецы

оставили лживый праведный мир империи догорать под собственным пеплом, навсегда унося с собой тайну своего нерушимого Контракта и свою нерушимую, разделенную на двоих вечную жизнь. Свободные Земли Дикого Запада приняли их под сень своих багровых каньонов, где на руинах обгоревшего прошлого им предстояло с нуля возвести Обсидиановую Цитадель, расследовать коварную ложь наставника и переписать Небесный Закон империи своей собственной тёмной кровью.

Пройдите этот мучительный, трагический и великий путь бегства вместе с ними. Путь, где былая лазурная праведность превращается в холодный серый пепел, кровь Клана Безмолвной Ночи никогда не лжет, а узы нерушимого Контракта Хранителя и жажда детективной истины становятся единственным законом, способным сокрушить саму империю и переписать Небесный Закон Поднебесной. Добро пожаловать на мою фиолетовую дорогу!

ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 1

На парящих утесах Северного Предела истинный покой мерился не тишиной, а леденящим, пронзительным холодом, от которого у младших послушников при утреннем вдохе перехватывало дыхание. Здесь, в Обители Облачного Пика, воздух круглый год оставался настолько разреженным, чистым и хрустящим, что в нем отчетливо улавливался металлический привкус озона, вековой горной хвои и застывшего горного хрусталя. Белоснежный мрамор тренировочных площадок, вырубленный мастерами древности прямо в недрах летающих скал, круглосуточно сверкал под бледным, слепящим северным солнцем. Этот отраженный от камня свет резал глаза так безжалостно, что у новобранцев ордена во время изнурительных двухчасовых пассивов на деревянных мечах то и дело наворачивались слезы, а темно-синяя черепица пагод, уходящих шпилями в самое небо, издавала казалась естественным продолжением ледяного небосвода Поднебесной.

Массивные гранитные стены Обители были сплошь исписаны лазурными защитными рунами Подавления. Они не только сдерживали яростные порывы штормовых ветров, но и мерно, тяжело высасывали из пространства любую теплую, влажную энергию Инь, оставляя адептам лишь звенящую Ян-прохладу для укрепления их Золотых ядер. Считалось, что только в таком суровом, стерильном климате дух заклинателя может очиститься от мирской скверны, полностью освободившись от хаоса чувств, привязанностей и слабостей земли. Двенадцать тысяч адептов Облачного Пика подчинялись этому монотонному, железному ритму: их жизни были зажаты в жесткие тиски кодексов Совета Великих Кланов, а послушание вбивалось в разум вместе с первыми каплями утренней росы на тренировочных клинках.

Линь Сюань стоял на самом краю тренировочного помоста, опустил руки в широкие рукава халата и подставил лицо ледяному ветру. Его белые одежды Первого ученика, сшитые из тяжелого шелка и расшитые по подолу серебряными нитями в виде парящих облаков, мерно, шуршаще вздымались от резких порывов бури. Длинные смоляно-черные волосы были идеально уложены в высокую прическу и скреплены парадным нефритовым венцом — гуань, а на лбу была туго повязана лазурная налобная лента — высший символ орденской чести и беспрекословного повиновения.

Каждое движение его внутренней Ци отражалось на дорогой ткани легким, едва заметным серебристым мерцанием, подтверждая безупречность и чистоту его меридианов. В свои двадцать один год он прошел суровый, полный лишений путь от испуганного сироты из мира смертных до самого молодого Старшего мастера Севера за всю историю Цзяньху. Его боевой стиль, основанный на Кристаллизации Инь, считался эталоном: когда он обнажал свой прямой длинный меч «Байсюэ», рукоять которого была украшена редчайшим белым нефритом, вокруг него мгновенно опускался мороз, превращающий влагу воздуха в град ледяных игл. Меч на его правом боку тихо вибрировал, откликаясь на меридианальные токи хозяина, словно живое существо, полностью разделяющее его отрешенное величие. Линь Сюань искренне верил, что Небесный Закон — это абсолютная истина, а его священный долг — защищать этот сияющий мир от тёмной скверны Западного Предела.

Младшие адепты, изнуренные утренней формой меча, застыли ровными фалангами на зеркальном мраморе, боясь сделать даже лишний выдох в присутствии Старшего мастера. Для этих мальчишек, набранных по нищим долинам, Линь Сюань был живым божеством, идеальным ориентиром праведности, лишенным земных слабостей. Они провожали его благоговейными, пугливыми взглядами, ловя каждое движение его белоснежных рукавов. Линь Сюань правил тренировочным полем справедливо и непреклонно, но его Ян-ци, рожденная годами

медитаций, распространяла вокруг такую плотную, стерильную прохладу, что шеренги учеников инстинктивно подтягивались, выправляя осанку и стремясь во всем подражать своему безупречному лидеру. Обитель казалась им незыблемым, вечным раем, и никто из двенадцати тысяч душ не догадывался, что лазурные руны под их ногами — это лишь стены богато украшенного загона на огромной скотобойне, где их Золотые ядра бережно вращаются ради финального заклания.

— Локти ниже, тридцать второй, — ровный, чистый, словно хрустальный звон, голос Линя Сюаня без труда перекрыл свист штормового ветра, гуляющего между парящими пагодами. — Твоя Ян-ци должна концентрироваться на острие клинка, а не рассеиваться в воздухе. Если меридианы рук расслаблены, форма «Дыхания Морозного Заката» обернется против твоего собственного дантяня при первом же столкновении.

Маленький послушник, чьи пальцы давно посинели от морозного воздуха Куньлуня, испуганно вздрогнул, мгновенно подбирая локти и выпрямляя спину под суровым, отрешенным взглядом Старшего мастера. На его конопляных штанах внешнего ученика застыли мелкие хрустальные капли пота, мгновенно превратившиеся в иней. Никто из этих детей не смел роптать. Линь Сюань был для них не просто наставником — он являлся лицом и гордостью всего Облачного Пика, идеальным воплощением карающего и защищающего Света Поднебесной.

— Ты слишком строг к ним сегодня, Сюань-эр. Они тренируются без перерыва с предрассветных сумерек, их контуры духа еще хрупки для такого плотного Ян-мороза.

Линь Сюань не оборачивался, чтобы знать, кто стоит за его спиной. Бурная, стремительная Ци, пахнувшая озоном, грозой и раскаленным железом, выдавала его названного брата задолго до того, как тяжелые подкованные сапоги Судебной Палаты ступали на зеркальный мрамор. К нему небрежным, размашистым шагом подошел Шэн Юй. Его лазурные одежды Облачного Пика были растянуты у самой шеи, сильные русые волосы растрепаны ветром, а на левой щеке тускло белел старый глубокий шрам — вечное напоминание об их общем экзамене во внутренние ученики. Тяжелый «Громовой кнут» на его поясе мерно покачивался, изредка испуская крошечные, едва заметные лазурные искры.

— Меридианы закаляются в лишениях, Юй-эр, — Линь Сюань слегка повернул голову, и на его обычно безучастном, фарфоровом лице промелькнула едва заметная, теплая улыбка, предназначавшаяся исключительно для этого бунтаря. — Если они не научатся удерживать Ци на ледяном ветру Севера, Совет Великих Кланов признает их непригодными при первом же отборе. Наш орден вращивает только лучших гениев поколения, здесь нет места минутной слабости.

Шэн Юй весело хмыкнул, скрестив руки на груди и окинув шеренги замерших послушников теплым, по-братски покровительственным взглядом. Его присутствие всегда странно разряжало стерильную, давящую атмосферу верхнего яруса. Младшие адепты незаметно перевели дух — они знали, что первый кнут ордена, несмотря на свою вспыльчивость и суровый нрав на официальных судах Поднебесной, всегда относился к новичкам мягче, чем холодные старейшины Обители.

— Отец и почтенный Цан Хай уже собираются в Главном Зале, — негромко произнес Шэн Юй, делая шаг ближе к краю помоста. В его глазах вспыхнул нетерпеливый, радостный азарт. — Свитки крови полностью подготовлены, младшие адепты уже выстроились живым коридором вдоль пагоды Алхимии. Тебе исполняется двадцать один, Сюань-эр. Пик созревания твоего Золотого ядра. Учитель лично вручит тебе пилюлю высшего очищения. Не заставляй его ждать.

В этот самый момент, стоило Шэн Юю произнести имя наставника, Линь Сюань внезапно почувствовал, как глубоко внутри его груди, в самой сердцевине дантяня, провернулась жут-

кая, раскаленная судорога. Ощущение было настолько резким, выворачивающим, словно под ребра вогнали десятки раскаленных стальных игл, мгновенно пережав энергетические каналы и перекрыв дыхание.

Его Золотое ядро испуганно, судорожно сжалось, а лазурный серебристый свет на его широких рукавах халата на долю секунды тревожно полыхнул тусклым, грязновато-фиолетовым отсветом. Это Контракт Хранителя, тайно вплавленный в его меридианы во младенчестве, глухо отозвался на приближение часа заклания.

Линь Сюань до крови закусил внутреннюю сторону губы, преодолевая вспыхнувшую Ян-лихорадку. Его бледные пальцы, скрытые в широких шелковых рукавах, судорожно сжали предплечье, силой воли заставляя бурную Ян-ци вытеснить странный приступ боли обратно в темные глубины. По лицу не должно было проскользнуть ни единого следа слабости — Первый клинок Севера не имел права ломаться на глазах у ордена.

— Сюань-эр? Ты в порядке? Твоя Ци на долю секунды пошла рваными кольцами, — Шэн Юй мгновенно подобрался, его рука инстинктивно легла на рукоять кнута, а в честных глазах промелькнула острая, искренняя тревога. Их духовные контуры с детства были сонастроены на одну частоту, и он тоньше любого поискового амулета чувствовал колебания его Ци.

— Всё хорошо, — Линь Сюань медленно выдохнул чистый, прозрачный морозный пар, полностью выравнивая пульс и возвращая лицу прежнюю маску отрешенного величия. — Обычная утренняя утомляемость меридианов после долгой ночной медитации. Нам пора идти.

Он повернулся к застывшим фалангам послушников и плавным, величественным движением руки опустил свой меч.

— Тренировка окончена. Сдайте деревянные клинки в Оружейную Палату и приготовьтесь к полуденному сбору. Встретимся в нижней бамбуковой роще, когда завершится ритуал.

Младшие адепты синхронно склонили головы в глубоком почтительном поклоне, провожая Старшего мастера благоговейным шёпотом, пока Линь Сюань и Шэн Юй плечом к плечу направлялись в сторону парящих пагод верхнего яруса, навстречу своей разрушенной судьбе.

ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 2

Седьмой утес Облачного Пика, в отличие от парадных зеркальных площадок верхнего яруса, редко посещался старейшинами Судебной Палаты. Здесь, на самой кромке летающей скалы, удерживаемой массивными цепями из метеоритного железа, раскинулась небольшая, чудом уцелевшая роща столетнего черного бамбука. Жесткие, темные стебли деревьев глухо, зловеще гудели от штормовых порывов северного ветра, но внутри самой рощи воздух казался более мягким, не таким разреженным и пронзительным. Сюда не долетал стерильный Ян-озон центральных пагод, и земля, припорошенная хрустящим снегом, пахла сухой хвоей, морозной корой и горьковатым полынным отваром.

Именно в этой глухой роще Линь Сюань раз в неделю тайно проводил негласное орденское правило — «Час бамбукового узла». Жесткий устав Облачного Пика, призванный подчинить волю двенадцати тысяч адептов суровым кодексам Совета, строго запрещал послушникам любые проявления мирских привязанностей, жалости или слабости. Но Линь Сюань, будучи Первым учеником ордена, слишком хорошо помнил, каково это — быть испуганным, замерзающим сиротой на ледяных ветрах Куньлуня.

Он сидел на поваленном, обледелом стволе базальтового дерева, бережно удерживая за плечи маленького послушника из касты внешних учеников. Ребенок, чьи пальцы всё еще мелко дрожали после изнурительных тренировок на деревянных мечах, послушно замер, затаив дыхание. Линь Сюань неторопливо, ювелирно вел широким бамбуковым гребнем по его обмерзшим смоляным волосам, аккуратно распутывая колкие ледяные сосульки и хрустящую крошку инея. Через этот простой тактильный контакт его чистейшая лазурная Ян-ци мягким, успокаивающим потоком проникала в акупунктурные точки на затылке мальчика, согревая истощенные меридианы и мгновенно снимая судороги усталости.

— Не вертись, тридцать второй, — негромко, со свойственным ему монотонным величием произнес Линь Сюань, и серебряные облака на его широких рукавах халата плавно колыхнулись. — Если заколка встанет неровно, меридианы головы будут пережаты во время полуденной медитации.

Сюань точным движением зафиксировал аккуратный узел на макушке ребенка простой шпилькой-цзи, выточенной из столетнего черного бамбука. Мальчик шмыгнул носом, на его бледных щеках впервые за утро проступил живой здоровый румянец, а в глазах зажглась глубокая сыновняя благодарность. Для этих сирот «Час бамбукового узла» был единственным мгновением тепла во всей Поднебесной, где грозный Первый клинок Севера становился для них защищающим старшим братом, а не хладнокровным палачом Палаты.

Там же, у самого входа в бамбуковую заимку, суежилась шестнадцатилетняя Мо Сюэ — его названная сестрица и младшая целительница ордена. Её оливковый халат из простого тяжелого шелка был небрежно подвязан льняным шнуром, а круглые очки в медной оправе вечно сползали на самый кончик носа, когда она усердно толкла лекарственные корни в массивной гранитной ступке. Меридианы её маленьких рук были сонастроены на тончайшую, созидательную медицинскую Ци Восточного Предела. От Мо Сюэ всегда пахло камфорой, жженой серой, дикой мятой и свежим тестом.

— Старший брат Линь Сюань, твоя порция готова, — девочка аккуратно отставила пестик и протянула ему крошечный мешочек из холщовой ткани, доверху набитый сушеными ягодами и листьями полыни. — Я добавила туда больше мяты в этот раз. Она лучше всего глушит... ну, тот самый привкус, который остается у тебя во рту после пилюль Великого настав-

ника. Только не ешь всё сразу, иначе старейшина Лю Ин на Востоке опять скажет, что я перевожу орденские запасы фармацевтики.

Линь Сюань бережно принял мешочек из её рук, и в его фиолетовых зрачках, очищенных от лазурной пыли Облачного Пика, промелькнула глубокая, затаенная скорбь. Маленькая Мо Сюэ так искренне пыталась защитить его, даже не подозревая, что «Пилюли Очищения Облаков», которые Цан Хай вкладывал в его ладонь, были ядом «Тени Пяти Лепестков», медленно превращающим его Золотое ядро в расходное сырьё для эликсира бессмертия.

В ту же секунду из густых теней бамбуковых зарослей, шумно шурша сухими листьями, выкатился огромный пушистый ком шерсти. Это был кролик Бай Юй. Но этот священный зверек мало напоминал обычных лесных грызунов — размером он был с хорошую охотничью собаку, его безупречно-белый мех, вопреки болотной грязи и изморози Севера, сиял собственным бледным внутренним светом, а большие рубиновые глаза-бусины смотрели на заклинателей с выражением царственного превосходства.

Бай Юй бесцеремонно прыгнул вперед, ткнувшись массивным носом прямо в полы халата Линя Сюаня, и шумно чихнул, выпустив крошечное облачко серебряной светящейся пыльцы, которая тут же растаяла в воздухе, оставив на губах праведника прохладный привкус сахара.

— Ах ты прожора! Снова ворует сахарный тростник на кухне внешних учеников! — Мо Сюэ в шутку пригрозила ему пальцем, но тут же беззвучно выскользнувший из тени черный лис Хуань — демонический фамильяр Яня Цзиня, чье присутствие в Обители пока скрывалось Узами Хранителя, — издал короткий, совершенно не по-демоноподобному писклявый звук и с позором забился под сапоги Линя Сюаня, жалобно пряча морду в его белых шелках. Белый кролик Бай Юй лишь лениво пошевелил длинными ушами и демонстративно зевнул, обнажив два длинных резца.

Идиллия «светлых времен» оборвалась резко, словно струна лука, которую перетянули до предела.

Со стороны центральных пагов донесся сухой, пронзительный звон медного гонга, возвещающий о прибытии инспектора Высшего Совета из Центральных Провинций. Линь Сюань внутренне подобрался, и фиолетовый контур его совмещенной Ци внутри дантяня тревожно запульсировал, реагируя на опасность. Сун Чэнь — Старший инспектор Восточного Предела в оливковых шелках — уже прибыл в Обитель, чтобы зафиксировать частоту созревания «Сосуда 1» для ритуала Цан Хая. Детективная петля заговора натянулась, готовая сорвать лазурные маски с наставников и бросить отряд внутренних учеников в их первую совместную миссию к Хрустальным пещерам нижних утесов.

ГЛАВА 1. ИНЕЙ НА ТРЕНИРОВОЧНОМ ПОЛЕ ЧАСТЬ 3

Зал Судейской Палаты Облачного Пика, вырубленный в самом основании Четвёртого парящего утеса, подавлял своим холодным, монолитным величием. Здесь не было хрустальных зеркал или изящных бамбуковых ширм, как в покоях наставников. Стены из темного гранитного базальта уходили высоко вверх, теряясь в густом, клубящемся полумраке, а редкие масляные светильники, закрепленные в медных кованых держателях, отбрасывали на камни длинные, изломанные тени. Воздух в Палате казался неподвижным, тяжелым и насквозь пропитанным застарелым запахом пережженного воска, талой воды и мокрого железа.

Линь Сюань вошел внутрь ровным, бесшумным шагом, шёлк его белоснежного халата плавно шуршал, едва касаясь пола. По правую руку от него, чеканя тяжелый шаг подкованных сапог, шел Шэн Юй. Названный брат уже успел застегнуть ворот своих доспехов, но его русые волосы всё еще оставались растрепанными, а Громовой кнут на поясе глухо и недовольно звякал, реагируя на общее напряжение, царившее под базальтовыми сводами.

У самого подножия Верховного Судейского помоста, за массивным каменным столом, сидел Шэн Вэй — глава Палаты и отец Шэн Юя. Это был высокий, суровый мужчина с лицом, словно высеченным из северного льда, чьи глубокие морщины у рта выдавали человека, привыкшего хладнокровно и безжалостно вершить чужие судьбы согласно судебским статьям Поднебесной. Перед ним на пергаментных листах лежали тяжелые свитки крови двенадцатитысячного ордена, скрепленные судебскими печатями из метеоритной руды.

Но всё внимание Линя Сюаня мгновенно переключилось на фигуру, застывшую по левую сторону от помоста.

Там, лениво опершись на длинный медицинский посох из светлого нефрита, стоял Сун Чэнь — Старший инспектор Восточного Предела. Его оливковые одежды Ордена Безмятежных Вод казались ярким, чужеродным и неестественным пятном посреди этой мрачной гранитной тюрьмы. Лицо инспектора было бледным, холеным и подчеркнуто мирным, а узкие глаза смотрели на вошедших внутренних учеников с той вкрадчивой, зловещей ухмылкой шпиона, от которой у Линя Сюаня внутри дантяня фиолетовый узел Уз Хранителя снова совершил тупую, болезненную судорогу.

— Вы припозднились, Старший мастер Линь, — Сун Чэнь первым нарушил базальтовое безмолвие зала. Его голос прозвучал мягко, плавно, словно журчание речной воды, но в этой мягкости отчетливо вибрировала леденящая канцелярская скука. — Совет Великих Кланов Центральных Провинций не любит, когда инспекторам приходится ждать у дверей Палаты. Время созревания... Ох, прошу прощения, время вашего совершеннолетия приближается, а отчеты по циркуляции Ци Облачного Пика всё еще не скреплены вашей личной печатью.

Шэн Юй за его спиной яростно стиснул зубы до хруста в челюсти, и Громовой кнут на его бедре с сухим треском выпустил короткую фиолетово-лазурную молнию, мгновенно оставив на базальтовой плите пола черную опаленную полосу.

— Инспектор Сун, Судебная Палата Севера подчиняется приказам Великого наставника Цан Хая, а не вашим бумажным квотам, — резко, со звенящей яростью оборвал его Шэн Юй, делая широкий шаг вперед и закрывая Линя Сюаня своим плечом. — Если вы приехали на наш Пик только ради того, чтобы замерять плотность нашей Ян-энергии, то вы ошиблись дверью.

— Тихо, Юй-эр, — Шэн Вэй тяжело опустил свою мозолистую ладонь на каменный стол, и этот удар глухим эхом раскатился под сводами, мгновенно заставив молодого бунтаря утихнуть. Верховный судья перевел свой холодный взгляд на Линя Сюаня. — Первый ученик. Для твоего отряда есть прямое, экстренное поручение от Главы ордена.

Судейский чиновник развернул на столе тяжелую карту нижних утесов Севера. Карта была исписана защитными рунами, которые тускло мерцали лазурным светом.

— Поисковые амулеты зафиксировали вспышку Искаженной Ци в Хрустальном гроте седьмого уровня, прямо под водопадами, — сурово произнес Шэн Вэй. — Гнезда ледяных тварей взбунтовались, пробив защитные барьеры нижнего яруса. Они уничтожают геомантические жилы, перекрывая токи Ян-энергии к верхним пагодам ордена. Твой отряд внутренних учеников выдвигается немедленно. Задача: полностью зачистить штреки, стабилизировать Массивы Вечного Хрусталя и восстановить баланс сил Севера.

Линь Сюань молча шагнул к столу, опустив голову в почтительном поклоне. Детективная интуиция, вбитая годами расследований в Палате, кричала ему об опасности: Хрустальный грот находился в непосредственной близости к темным алхимическим лабораториям кукловода, и эта миссия пахла не просто зачисткой монстров, а тщательно подготовленным экзаменом перед его грядущим двадцать первым днем рождения.

— Инспектор Сун Чэнь пойдет с вами в качестве официального наблюдателя от Совета, — добавил Шэн Вэй, скрепляя свиток метеоритной печатью. — Его медицинский посох поможет зафиксировать изменения Ци во время боя. Сборы — десять ударов пульса. Возьмите с собой послушницу Мо Сюэ, её целительские навыки могут понадобиться при восстановлении барьеров.

— Сделаем в лучшем виде, отец, — Шэн Юй весело, с вызовом ухмыльнулся, перехватывая Громовой кнут поудобнее и стремясь поскорее покинуть душную атмосферу зала. — Мой кнут давно не пробовал на вкус шкуру этих тварей. Сюань-эр, идем. Нужно собрать вещи и вытащить Сюэ-эр из её бамбуковой заимки до того, как этот оливковый халат успеет залить нас своими чернилами.

Линь Сюань молча развернулся, запахивая полы своего белоснежного шелкового халата. Они выходили из Палаты навстречу своей первой совместной миссии, пока Сун Чэнь хладнокровно сворачивал свои пергаменты, а невидимый фиолетовый капкан Уз Хранителя внутри дантяня Первого ученика готовился к своему самому первому, сокрушительному боевому резонансу.

ГЛАВА 2. МИССИЯ В ХРУСТАЛЬНОМ ГРОТЕ Часть 1

Спуск с парящих скал верхнего яруса Облачного Пика напоминал погружение в бездонный, застывший океан из белого молока. Чем ниже опускался подвесной плот из тяжелого железного дерева, удерживаемый толстыми стальными канатами, тем плотнее и осязаемее становился морозный туман Северного Предела. Здесь, на стыке седьмого и восьмого уровней, облака больше не казались легким лазурным шлейфом — они висели над пропастью тяжелой, глухой серой пеленой, которая неохотно, словно с неохотой, раздвигалась перед носом судна. Воздух в ущельях был настолько влажным и пережатым Ян-массивами Обители, что капли тумана замерзали прямо в полете, превращаясь в крошечные ледяные иглы. Они с тихим, сухим шорохом колотили по широким полям плетеных дорожных шляп заклинателей и осыпались на деревянный настил палубы мелкой хрустящей крошкой.

Линь Сюань стоял на самом носу плота, монолитным белым призраком возвышаясь над бурлящей серой бездной. Его парадный халат Облачного Пика, расшитый серебряными нитями, теперь был укрыт поверх тяжелым дорожным плащом из плотной лазурной шерсти, защищающим от безжалостной изморози нижних штрихов. Рука Старшего мастера в широком рукаве неподвижно, мертвой хваткой лежала на эфесе меча «Байсюэ». Лазурная сталь клинка тускло, но ровно светилась сквозь промасленный холст мешковины, транслируя в туман волны стерильного Ян-холода. Линь Сюань всматривался в черные, уродливые провалы базальтовых скал, мимо которых они скользили, и внутри его груди фиолетовый узел Контракта Хранителя вел себя на удивление тихо. Зверь внутри его дантяня словно затаился, убаюканный монотонным скрипом стальных цепей подъемника.

Рядом с ним, лениво облокотившись на перила, покачивался Шэн Юй. Названный брат успел накинуть на свои доспехи короткий кожаный плащ рудокопов, но Громовой кнут на его бедре по-прежнему зловеще поблескивал метеоритными звеньями, готовый в любую секунду выпустить первый предупреждающий разряд молний.

— Ну и глушь, — Шэн Юй шумно выдохнул прозрачный пар, который тут же замерз на его русых ресницах мелкими иголками, и весело, с привычным азартом посмотрел на Сюаня. — Отец говорит, что эти нижние штреки не зачищали со времен прошлого шторма. Массивы Вечного Хрусталя внизу совсем обветшали. Если мы сегодня не перебьем этих тварей, старейшины верхних пагод завтра останутся без своей драгоценной Ци для утренних омовений. Будут сидеть в своих шелках, покрытые инеем, и проклинать Судебную Палату.

Маленькая Мо Сюэ, сидевшая чуть позади них на массивном деревянном ящике с медицинскими припасами, от его слов испуганно шмыгнула носом и судорожно поправила свои круглые очки, которые снова попытались сползти на кончик носа. Её оливковый халат целительницы был полностью скрыт под объемным меховым воротником дорожной куртки, а маленькие ладонях до белизны костяшек вцеплялись в рукоять алхимической гранитной ступки, словно та могла защитить её от монстров ущелья.

— Б-брат Шэн Юй, не говори так, — заикнулась шестнадцатилетняя девочка, испуганно косясь на черные расщелины утесов, откуда время от времени доносился странный, вибрирующий гул. — Горгульи седьмого уровня — это не просто лесные волки. Они сошли с ума от переизбытка Ян-энергии в жилах земли. Если они пробили барьеры, значит, их Ци стала агрессивной, деструктивной. Нам... нам нужно быть осторожнее у входа.

— Не бойся, Сюэ-эр, — Линь Сюань слегка повернул к ней голову, и его взгляд из-под полей плетеной шляпы стал мягче, растеряв всю прежнюю судейскую строгость. — Пока мой клинок в руке, ни одна тварь Цзянху не коснется твоих меридианов. Шэн Юй просто сотрясает воздух от безделья. Занимайся своими травмами и держись за моей спиной, когда плот ткнется в причал.

Девочка мгновенно успокоилась, послушно кивнув и спрятав лицо в меховой воротник, а на её бледных щеках проступил живой, здоровый румянец от слов Старшего брата. Она незаметно запустила пальцы в свой дорожный мешочек, проверяя, на месте ли сушеная мята, которую она приготовила для Сюаня, чтобы заглушить тот самый горький миндальный вкус после пилюль наставника. Читатель пока не знал, какая страшная судьба ждет эту хрупкую послушницу в финале тома, и эти «светлые времена» их орденского братства казались вечными, незблемыми.

За всем этим разговором, застыв у противоположного борта плота, хладнокровно и безмолвно наблюдал Сун Чэнь. Старший инспектор Восточного Предела стоял неподвижно, лениво опершись на свой длинный медицинский посох из светлого нефрита. Его оливковые одежды, расшитые серебряными лотосами, тяжело свисали до самого настила, игнорируя морозные брызги тумана. Вкрадчивая, зловещая ухмылка шпиона застыла на его бледном холеном лице, а узкие глаза неотрывно, словно мясник, оценивающий качество созревающего товара, следили за каждым движением Линя Сюаня.

Сун Чэнь медленно развернул на коленях тонкий пергаментный свиток и сделал очередную тайную пометку духовной тушью для Цан Хая: *«Дантянь Линя Сюаня стабилен. Энергия Света чиста, концентрация Ян-ци в Золотом ядре приближается к идеальному рекорду. Контракт Хранителя удерживает Инь-Тьму зверя в полном повиновении. Послушница Мо Сюэ проявляет высокую чувствительность к меридианам Севера, её структура духа готова для резонанса с Корнем...»*

Плот с глухим, тяжелым стуком вошел в пазы базальтового причала нижнего штрека. Стальные цепи подъемника со страшным скрежетом натянулись, замирая. Впереди, сквозь редящие кольца фиолетового тумана, открылся зловещий проем Хрустального грота седьмого уровня, откуда из темноты веяло могильным холодом, прелой землей и свистящим ревом проснувшихся горгулий Поднебесной. Первая часть второй главы подошла к своей боевой, критической точке, и отряд внутренних учеников Облачного Пика был готов сделать свой первый шаг вглубь подземного ада.

ГЛАВА 2. МИССИЯ В ХРУСТАЛЬНОМ ГРОТЕ Часть 2

Внутри Хрустального грота седьмого уровня Поднебесная Цзянху теряла свой ослепительный лазурный лоск, обнажая сырое базальтовое нутро, скрытое под парящими пагодами Обители. Мрак здесь не был однородным; он казался тяжелым, маслянистым и живым, колыхаясь от каждого движения воздуха и преломляясь в гранях Массивов Вечного Хрусталя. Эти гигантские, чудом уцелевшие пласты природного камня уходили корнями глубоко в недра летающей скалы, но сейчас их первозданное серебристое сияние выглядело оскверненным. Руны, высеченные первыми патриархами Облачного Пика, тускло мигали болезненным, мутно-багровым светом, транслируя в темные коридоры штреков искаженную, деструктивную Ци земли. Геомантические жилы Севера, питавшие верхние тренировочные площадки двенадцати тысяч адептов, исходили липким, удушливым паром, который пах сероводородом, прелой глиной и застоявшейся кровью.

Отряд внутренних учеников продвигался вглубь пещеры в полном безмолвии. Линь Сюань шел впереди, его шаги по скользким, влажным плитам базальта были абсолютно бесшумными. Тяжелый дорожный плащ скрывал очертания его плеч, но ладонь по-прежнему мертвой хваткой сжимала эфес «Байсюэ». Лазурная сталь меча, скованная промасленным холстом мешковины, глухо вибрировала, вступая в разрушительный резонанс с искаженной Ци грота. С каждым чжаном пути в недра скалы фиолетовый узел Контракта Хранителя внутри его дантяня ворочался всё отчетливее, отзываясь в грудной клетке тупыми, раскаленными толчками, напоминающими удары похоронного гонга. Зверь внутри его меридианов, убаюканный стерильным озоном Севера, теперь просыпался, чуя близость алхимической скверны.

Шэн Юй шел на полшага позади, его парадные лазурные доспехи со скрежетом терлись друг о друга при каждом резком движении. «Громовой кнут» в его правой руке больше не покачивался лениво на поясе — Шэн Юй держал рукоять мертвой хваткой, и метеоритные железные звенья цепи непрерывно, со зловещим сухим треском выпускали рваные веера фиолетово-лазурных молний, которые на долю секунды выхватывали из темноты мокрые базальтовые своды и нависшие сталактиты.

— Ну и трущобы, — Шэн Юй шумно выдохнул, и его голос глухим раскатистым эхом покатился по темному коридору штрека, заставляя хрустальные друзы на стенах жалобно звенеть. — Инспектор Сун, ваши лекари на Востоке славятся своим тонким обонянием, но от этого пара у меня даже Золотое ядро начинает чесаться. Цан Хай говорил, что барьеры нижнего яруса просто обветшали, но здесь воняет так, словно кто-то тайно варил запретную алхимию прямо под копытами наших коней.

Сун Чэнь, шедший чуть поодаль и плавно переставлявший свой длинный медицинский посох из светленного нефрита, даже не повернул к нему головы. Его оливковый халат Ордена Безмятежных Вод тяжело шуршал по камням, а на бледном холемом лице шпиона по-прежнему застыла та самая вкрадчивая, зловещая ухмылка кукловода. Он внимательно сканировал стены пещеры, незаметно замеряя плотность выкипающей из жил земли Ци и делая мысленные расчеты для Великого наставника Севера.

— Молодой мастер Шэн, судейские чиновники вашего отца слишком привыкли махать железом, забывая о тонких законах циркуляции, — мягко, журчащим речным голосом отозвался предатель, и его узкие глаза хищно блеснули в полумраке. — Горгульи седьмого уровня сошли с ума не от старости барьеров. Ци земли в этой расщелине пережата Ян-массивами Обители. Когда энергия Света концентрируется в одной точке слишком долго, она неизбежно начинает выжигать саму себя, превращаясь в скверну. Это естественный закон Поднебесной, который вам, северянам, давно пора выучить.

Маленькая Мо Сюэ, судорожно семенящая между Линь Сюанем и Шэн Юем, от этих слов испуганно вжала голову в плечи. Она до белизны костяшек вцеплялась в свою гранитную ступку, а её круглые очки в медной оправе от постоянной сырости грота покрылись мелкой сеткой лазурного конденсата. Девочка панически боялась темноты нижних штрихов, но её созидательная медицинская Ци, пульсировавшая в меридианах рук ровным теплым потоком, удерживала её на ногах, заставляя следовать за Старшим братом.

Внезапно Линь Сюань резко замер, вскидывая левую ладонь в широком рукаве вверх.

— Стой. Не двигаться, — ровный, чистый, словно хрустальный звон, голос Первого ученика мгновенно оборвал шёпот Сун Чэня и шаги отряда.

Звуки грота изменились в одну секунду. Мерное, монотонное капанье болотной влаги со сводов и свистящий рев подземных водопадов сменились другим, пугающим звуком — сухим, ритмичным и частым шорохом сотен когтистых лап, скребущих раскаленный базальт где-то прямо над их головами. Из глубоких вулканических расщелин потолка пещеры, уходящих в крошечную тьму, донеслось низкое вибрирующее рычание, от которого волосы на затылке Шэн Юя мгновенно встали жестким колючим веером.

В следующую секунду мрак над ними буквально взорвался.

Из темных провалов свода, шумно и яростно разрывая воздух кожистыми крыльцами, на отряд внутренних учеников лавиной ринулись массивные, уродливые фигуры. Это были Искривленные ледяные горгульи — древние подземные ящеры Куньлуна, чья чешуя под воздействием деструктивной Ци спеклась, превратившись в прочный обсидиановый базальт, сквозь стыки которого тускло сияла жидкая багровая магма. Вместо глаз в их глазницах горели раскаленные угли слепой ярости. Трое гигантских монстров, каждый размером с хорошего буйвола, с ходу, без объявления войны, обрушились на платформу штрека, вытягивая вперед длинные когтистые лапы и выплевывая струи жидкого пламени, смешанного с ледяной крошкой.

— Выползли, твари! Назад, Сюэ-эр! — Яростный, задышающийся от азарта крик Шэн Юя разорвал базальтовую тишину пещеры.

Он среагировал на долю мгновения раньше, чем первая горгулья успела коснуться деревянных ящиков с припасами. Тяжелый «Громовой кнут» в его правой руке взвился в воздух с оглушительным, разрывающими барабанные перепонки свистом. Шэн Юй вложил всю яростную мощь своего Золотого ядра в рукоять оружия, и метеоритные железные звенья цепи развернулись на всю длину, превратившись в гигантскую, поющую от запредельного напряжения фиолетово-лазурную молнию.

Удар пришелся точно в челюсть наступающей твари. Громовой взрыв сокрушительной силы сотряс весь Хрустальный грот: обсидиановая чешуя горгульи с омерзительным фарфоровым хрустом разлетелась на тысячи мелких осколков, жидкая магма брызнула на стены, а самого монстра с силой отбросило назад, вглубь расщелины, где он тяжело забился под завалами гранитной крошки. Шэн Юй живым лазурным щитом перекрыл правый фланг штрека, его цепь непрерывно вращалась, высекая электрические разряды и не позволяя Карателям Совета усомниться в боевой мощи первого кнута Севера.

Но две оставшиеся горгульи, почуяв смерть сородича, издали протяжный утробный рев и с утроенной скоростью ринулись с левого фланга, целясь точно в беззащитную Мо Сюэ. Девочка от первобытного страха вскрикнула, её круглые очки от резкого движения слетели с носа, со звоном покотившись по базальтовым плитам пола, а сама она застыла на месте каменным изваянием, судорожно прижимая к груди пустую ступку и лишившись возможности сделать даже шаг. Лоза «Корня Бездонной Скорби», тайно проросшая сквозь трещины стен под воздействием туши Сун Чэня, радостно запульсировала, предвещая скорую гибель маленького лекаря ордена.

Линь Сюань не стал тратить слова. В его фиолетовых зрачках, очищенных от лазурной пыли, зажглось ровное, монолитное и беспощадное пламя Первого ученика Севера.

Он рванул промасленный холст мешковины, и благородная лазурная сталь «Байсюэ» наконец-то явила себя этому подземному мраку. Клинок вспыхнул ослепительным серебряным сиянием инея. Линь Сюань совершил неуловимый, смазанный разворот на пятках, мгновенно оказываясь прямо перед дрожащей Мо Сюэ и закрывая её своим телом. Он выбросил вперед свободную левую ладонь, активируя высшую защитную форму «Вращение Ледяного Щита».

Воздух над платформой штрека в ту же долю секунды остыл до звонкого арктического треска. Прямо из раскаленных базальтовых плит навстречу летящим монстрам с огнушительным ревом выросла монументальная, многослойная стена из чистейшего, прозрачного лазурного льда, исписанная сияющими серебряными рунами инея. Горгульи на всем скаку с глухим, костедробительным грохотом врезались в этот барьер. Огненные струи их дыхания бессильно шипели, испаряясь под воздействием стерильного Ян-мороза, а сами твари намертво увязали когтистыми лапами в стремительно растущих кристаллах льда, лишаясь возможности двигаться или сопротивляться. Линь Сюань удерживал блок мертвой хваткой, его дорожный лазурный плащ яростно развевался от встречных потоков Ци, а «Байсюэ» в его руке хищно гудел, требуя финального очищения пещеры.

Сун Чэнь, застывший у дальней колонны, хладнокровно наблюдал за этой безупречной демонстрацией синергии внутренних учеников Облачного Пика. Его медицинский посох из светлого нефрита тускло мерцал, улавливая малейшие колебания духовных токов, а сам шпион кукловода неторопливо сделал новую, зловещую детективную пометку в своем свитке: *«Ян-ци Линя Сюаня вошла в идеальный резонанс с барьером. Сосуд Номер Один готов к финальному заклятию на Главном Алтаре. Защитная магия Инея стабильна, узлы Контракта не повреждены перегрузкой»*. Детективная драма их первой совместной миссии подходила к своему логическому завершению, запечатывая судьбы адептов под сводами Хрустального грота до начала их великого бегства из фальшивого рая Поднебесной.

ГЛАВА 2. МИССИЯ В ХРУСТАЛЬНОМ ГРОТЕ Часть 3

Лазурный ледяной барьер, сковавший Искажённых горгулий, звеняще вибрировал под базальтовыми сводами, отражая багровые вспышки беснующейся внутри монстров магмы. Линь Сюань удерживал форму «Вращения Ледяного Щита» с абсолютной, пугающей неподвижностью истинного праведника Севера. Его пальцы, сжимавшие эфес «Байсюэ», побелели от колоссального напряжения духовных сил, но взгляд фиолетовых глаз оставался леденящим, пустым и отрешённым. Он видел сквозь толщу прозрачного льда, как зажатые в кристаллические тиски твари яростно бьют обсидиановыми хвостами по камням, пытаются вырвать лапы из морозного капкана, но стерильный Ян-иней Облачного Пика неумолимо расползался по их каменной чешуе, превращая кипящую кровь Бездны в застывший серый прах.

— Юй-эр, правый фланг, — коротко, словно удар хрустального гонга, бросил Линь Сюань, не оборачиваясь.

— Уже на позиции, Старший мастер! — Глухой, задыхающийся от яростного боевого азарта рык Шэн Юя разорвал грохот подземных водопадов.

Названный брат взлетел над базальтовой платформой штрека, и его кожаный плащ рудокопов широко распахнулся, обнажая лазурные латы Судебной Палаты. «Громовой кнут» в его руке совершил гигантский, поющий круг в воздухе. Метеоритные железные звенья цепи, сонастроенные с яростной Ци грозы, налились ослепительным электрическим светом, и Шэн Юй с чудовищной силой обрушил это карающее оружие прямо на обледеневшие спины застрявших горгулий.

Удар лазурных молний был сокрушительным. Оглушительный взрыв духовной энергии заставил Массивы Вечного Хрусталя на стенах пещеры испустить ослепительный серебряный веер искр. Обе горгульи одновременно разлетелись на куски: обсидиановые глыбы их тел, смешанные с осколками лазурного льда и остывающей серой магмой, с тяжелым грохотом покатились по штреку, заваливая боковые алхимические расщелины. Вибрация от громового тарана была столь велика, что со сводов грота лавиной хлынула гранитная крошка, а закопченные балки старых подпорных конструкций жалобно затрещали, прогибаясь под весом оседающей породы. Шэн Юй тяжело приземлился на одно колено, тяжело дыша и опираясь на рукоять дымящегося кнута, а на его лице сияла привычная бесшабашная ухмылка воина, готового прикрыть спину брата в любом аду Цзянху.

Линь Сюань плавно опустил «Байсюэ», и лазурное сияние клинка послушно угасло под мешковиной, возвращая пещеру в удушливый, чадающий полумрак. Он неторопливо развернулся и опустился на одно колено прямо перед Мо Сюэ, которая всё ещё сидела на мокром каменном полу, судорожно прижимая к груди свою пустую гранитную ступку. Девочка мелко дрожала от пережитого панического страха, её меридианы рук пульсировали рваными, испуганными толчками, а близорукие глаза растерянно блуждали по серым базальтовым плитам в поисках слетевших очков.

— Тише, Сюэ-эр. Всё закончилось, — негромко, с запредельной сыновней бережностью произнес Линь Сюань, и серебряные облака на его широких рукавах мягко колыхнулись.

Он протянул руку и поднял из грязной лужи уездной изморози круглые очки в медной оправе. Одно из стекол покрылось глубокой паутиной трещин, а металл погнулся о камни. Линь Сюань аккуратно, ювелирно вытер грязь и копоть с поврежденных линз краем своего безупречно чистого, белоснежного шелкового халата Первого ученика — жестом, который на летающих скалах Севера старейшины сочли бы кошунственным святотатством по отношению к орденской форме. Сюань расправил дужки и мягким движением вернул очки на сползающий носик девочки, слегка поправив её растрепавшиеся русые волосы.

— Я ведь обещал тебе: пока мой клинок в руке, ни одна тварь Поднебесной не коснется твоих меридианов, — Сюань едва заметно улыбнулся, и эта мимолетная человеческая теплота мгновенно растопила ледящую судейскую строгость его лица. — Поднимайся. Проверь свои медицинские припасы и помоги Шэн Юю обработать искры на наручах, пока наши Ци не остыли на этом сквозняке.

Мо Сюэ судорожно шмыгнула носом, на её бледных щеках проступил густой, лихорадочный румянец благодарности, и она преданно, со слезами на глазах посмотрела на Старшего брата сквозь треснувшее стекло. Девочка послушно поднялась, крепко сжимая ступку и чувствуя себя в абсолютной безопасности под защитой лазурного инея Сюаня, даже не подозревая, какая жуткая участь ждет её хрупкое тело в этой самой пещере через несколько глав. Эти последние «светлые времена» их орденского братства застыли в тумане Куньлуня чистым, хрупким воспоминанием, которое вскоре превратится в холодный серый пепел.

За всей этой сценой бытовой орденской заботы, затаившись в тени массивной обсидиановой колонны, хладнокровно и расчетливо наблюдал Сун Чэнь. Старший инспектор Восточного Предела неподвижно стоял, перебирая пальцами четки на своем длинном медицинском посохе из светлого нефрита. Его оливковые одежды, расшитые серебряными лотосами, поглощали багровые отсветы угасающей магмы, а на бледном холеном лице шпиона застыла та самая ухмылка кукловода, которая выдавала скрытого хищника. Он внимательно сканировал угасающие духовные токи пещеры, фиксируя частоту Ян-выбросов Линя Сюаня после активации ледяного купола.

Сун Чэнь неторопливо развернул на колене тонкую пергаментную пластину и сделал финальную детективную пометку духовной тушью для Цан Хая: *«Испытание Хрустального грота завершено успешно. Ян-ци Сосуда Номер Один достигла пиковой, идеальной концентрации для ферментации Ядра. Каналы Сюаня послушны лазурным рунам, сопротивления меридианов не обнаружено. Структура духа послушницы Мо Сюэ зафиксировала резонанс скверны, её Ци полностью готова для заклания под Корнем в финальный день совершеннолетия. Объемы сырья соответствуют математическим расчетам Совета»*.

Предатель хладнокровно свернул свиток, пряча его в глубокий рукав оливкового халата, и его посох глухо звякнул о базальт, знаменуя завершение их тренировочной миссии Севера. Детективная драма Облачного Пика сделала свой первый, уверенный шаг к алхимической катастрофе, и впереди отряд внутренних учеников ждал лишь торжественный, но смертоносный день рождения их Первого клика.

ГЛАВА 3. ПИЛЮЛИ ИЗ ГОРЬКОГО МИНДАЛЯ Часть 1

Праздничное утро в Обители Облачного Пика занималось под оглушительный, торжественный звон двенадцати медных гонгов, чьё эхо раскатывалось над парящими островами Севера и уходило далеко вниз, в нищие, иссушенные смертные долины. Ровно в полночь Линь Сюаню исполнился двадцать один год — возраст полного, окончательного совершеннолетия, когда Золотое ядро заклинателя достигало пика своей созидательной Ян-зрелости. С самого рассвета двенадцать тысяч адептов ордена выстроились живым коридором вдоль зеркальных мраморных дорожек, ведущих к Главному Алтарю. Младшие послушники в лазурных шелках затаили дыхание, ловя каждый шаг своего кумира, а парадные штандарты Совета Великих Кланов, расшитые золотыми драконами, яростно хлопали на штормовом северном ветру. Мир Севера праздновал рождение своего безупречного, величайшего гения поколения, даже не подозревая, что этот сияющий день — лишь финальная дата математического расчета кукловода.

Линь Сюань медленно шел по длинному подвесному мосту Четвёртого утеса, направляясь к Залу Тысячи Зеркал. На нем был парадный, ослепительно-белый халат ханьфу, подол которого серебряными нитями вышивали лучшие мастера Обители в течение трех лун. Лазурная налобная лента была завязана идеально ровно, а нефритовый венец-гуань ярко блестел под бледным утренним солнцем. Но за этим безупречным, фарфоровым фасадом праведника скрывался настоящий ад.

С каждым шагом в сторону пагоды Алхимии невидимый тёмный паразит «Тень Пяти Лепестков» внутри его каналов Ци бушевал со свирепой, ненасытной яростью. Черные нити скверны, годами тайно прораставшие под его кожей, теперь раскаленными жгутами стягивали меридианы у самой шеи. Его Ян-ци выкипала внутри дантяня рваными кольцами, заставляя Золотое ядро испуганно, болезненно сжиматься. У Линя Сюаня темнело в глазах от дикого жара, кости словно плавились в кипящей магме Южного Предела, а фиолетовые капилляры на его шее пульсировали так яростно, что руны на налобной ленте непрерывно вспыхивали тусклым, тревожным фиолетовым светом. Кровавый Контракт Небесной Собаки внутри его груди ворочался, как запертый хищник, транслируя в общее пространство сигналы смертельной перегрузки.

У самого поворота к Хрустальной галерее, скрывшись за массивным базальтовым стволом столетнего бамбука, его дорогу внезапно преградила маленькая Мо Сюэ. Её оливковый халат целительницы был помят, круглые очки сползли на самый кончик носа, а хрупкие пальцы судорожно прижимали к груди крошечную холщовую флягу. Девочка мелко дрожала — не от полярного холода Куньлуня, а от острой, интуитивной тревоги лекаря, почувствовавшего, как Ян-контур Старшего брата буквально плавится на глазах.

— Старший брат Линь Сюань! — шёпотом, срываясь на испуганный хрип, позвала шестнадцатилетняя послушница, судорожно оглядываясь по сторонам. — Твоя Ци... твои каналы пульсируют в безумном, деструктивном ритме! Я... я тайно сварила этот отвар из дикой горькой полыни и лесной мяты нижних каньонов Дикого Запада. Сделай глоток, умоляю тебя! Он остудит твои меридианы и временно запечатает этот раскаленный Ян-пожар в дантяне до того, как ты переступишь порог Зала Учителя. Пожалуйста, Сюань-эр...

Линь Сюань замер, преодолевая ломающую судорогу в коленях. Он бережно взял флягу из её рук и сделал один быстрый, глубокий глоток. Леденящая, горькая полынная влага мгновенно обожгла корень языка, прохладной мятой скатившись по меридианам груди и на несколько минут принудительно затушив свирепый огонь паразита под кожей. Черные узоры

на его шее слегка побледнели, а фиолетовые искры ослепления в зрачках послушно угасли. Праведник вернул ей флягу и мягко, ладонью в широком рукаве коснулся её плеча.

— Спасибо, Сюэ-эр. Мне стало легче, — негромко, возвращая лицу маску отрешенного судейского величия, произнес Старший мастер. — Ступай обратно на Плавающий рынок к Лю Ин. И держи Бай Юя подальше от кухни, сегодня в Обители слишком много шпионов Совета. Пока мой меч в руке, со мной ничего не случится.

Мо Сюэ послушно кивнула, шмыгнув носом и поправляя очки, а на её лице проступил живой, искренний румянец. Она спрятала флягу в складки халата и поспешила прочь, даже не подозревая, что этот горький отвар полыни Дикого Запада — последняя медицинская помощь, которую её живые руки смогли оказать Старшему брату до того, как Корень Бездонной Скорби превратит её в немую Минмин.

Линь Сюань выпрямил спину, запахнул полы белоснежного шелкового ханата и уверенным, монолитным шагом толкнул массивные дубовые двери Зала Тысячи Зеркал.

Помещение встретило его стерильной, давящей и почти божественной тишиной, в которой отчетливо слышался лишь шорох его собственных шагов. Огромные хрустальные пластины, покрывавшие стены от пола до самого потолка, множили его отражения, превращая Первого ученика в целую армию белых призраков. В самом центре зала, на нефритовом возвышении, погруженный в глубокую бирюзовую медитацию, сидел Великий наставник Севера Цан Хай. Внешне старик выглядел безупречным мудрецом с фарфоровой кожей, но в глубине его сухих кукольных глаз уже плясала глухая, голодная и расчетливая серьезность хищника, чей скот наконец-то созрел для финального заклятия. На его ладони кукловода лежала сияющая лазурным светом «Пилюля Очищения Облаков» — концентрированный яд «Тени Пяти Лепестков», замешанный на Мо-ци, призванный намертво запечатать Золотое ядро Сосуда 1 перед вскрытием дантяня.

— Пришел, Сюань-эр, — Цан Хай медленно открыл глаза, и его голос мягким, величественным эхом отразился от хрустальных граней зеркал. — Подойди ближе к моему трону. Сегодня важнейший день для твоей Ци. Твои меридианы полностью готовы принять высшее благо ордена.

Линь Сюань послушно шагнул вперед по зеркальному мрамору, опустился на колени у подножия возвышения и склонил голову в глубоком, сыновнем поклоне, касаясь лбом холодного камня, готовый к финальному кругу лжи Поднебесной.

ГЛАВА 3. ПИЛЮЛИ ИЗ ГОРЬКОГО МИНДАЛЯ Часть 2

Лазурный свет, исходивший от «Пилюли Очищения Облаков», лениво пульсировал на сухой, холеной ладони Великого наставника, вступая в глубокий, почти осязаемый резонанс с застывшими меридианами Линя Сюаня. Подняв голову от ледяного мрамора, Первый ученик бережно принял лекарство и проглотил его, беспрекословно подчиняясь воле того, кого четырнадцать лет считал своим единственным отцом и высшим мерилом праведности во всей Поднебесной.

Густое, обжигающее тепло мгновенно хлынуло по его жилам широким, бурным потоком, заставляя Ян-ци в дантяне запеть от иллюзорного прилива колоссальных сил. Однако на самом корне языка, заглушая прохладную мятную свежесть отвара Мо Сюэ, снова остался тот самый едва заметный, приторно-сладкий привкус горького миндаля. Линь Сюань прикрыл глаза, послушно запуская новый круг орбитальной медитации, в то время как скрытые фиолетовые нити паразита «Тени Пяти Лепестков» внутри его груди сладостно затрепетали, впитывая очередную порцию лазурного состава и плотнее смыкая свои невидимые когти вокруг созревающего Золотого ядра.

— Иди, дитя. Твой контур Ци должен усвоить благодать в тишине, — мягко произнес Цан Хай, и его фарфоровое лицо озарилось отеческой улыбкой, за которой скрывался хладнокровный расчет мясника, замеряющего часы до полуночного забоя Сосуда.

Перелом случился глубокой ночью, когда Обитель Облачного Пика окончательно погрузилась в морозный, безмолвный сон, а бледный месяц тускло осветил заснеженные синие крыши пагод. Линь Сюань шел по темному подземному переходу пагоды Алхимии, вырубленному в монолитной базальтовой породе. В руках он нес тяжелые, пахнущие старой бумагой и нафталином связки свитков с отчетами Судебной Палаты, которые перед уходом его просил забрать и перепроверить старейшина Шэн Вэй — отец его названного брата. Коридоры подземелья были погружены во мрак, освещаемые лишь редкими масляными лампами, отбрасывающими длинные уродливые тени на каменные своды, а шаги праведника беззвучно отдавались от холодных базальтовых плит.

Возле личной лаборатории Учителя, скрытой в самых глубоких и изолированных недрах утеса, Линь Сюань неожиданно замер. Его меридианы инстинктивно сжались от смутного, липкого предчувствия смертельной опасности, заставив Золотое ядро тревожно екнуть внутри груди. Тяжелая дубовая дверь, всегда намертво запечатанная тринадцатью лазурными заклятиями крови, была приоткрыта на ширину ладони. Массивный железный замок лежал прямо на полу, а изнутри доносился тихий, прерывистый кашель Учителя и странный, зловещий шепот, напоминающий шёпот змей.

Движимый глухим, давящим предчувствием, Линь Сюань полностью скрыл свою внутреннюю Ци, затаил дыхание и осторожно, едва дыша, заглянул в щель приоткрытой двери. Воздух в коридоре подземелья казался ледяным и абсолютно неподвижным. Inside лаборатории горел бледный, мертвенный фиолетовый свет Мо-ци, выхватывая из темноты массивные алхимические котлы, реторты и длинные полки со склянками, в которых пульсировали разноцветные ядовитые жидкости Клана Безмолвной Ночи. В самом центре на каменном алтаре лежали открытые медицинские записи, исписанные мелким, безупречным и хладнокровным судейским почерком Учителя.

Ужас сковал Линь Сюаня, когда его взгляд упал на верхнюю пластину из священного нефрита. Там, на самом верху, было четко вырезано его собственное имя: «Линь Сюань. Сосуд 1». На нефрите тускло, зловеще пульсировали фиолетовые руны Западного Предела. Чуть ниже

шли аккуратные, безжалостные математические расчеты, от которых у Первого ученика кровь застыла в жилах: *«Десятый год ферментации Ядра. Тень Пяти Лепестков концентрирует Ян-ци адепта без сопротивления меридианов. Финальная стадия сжатия энергии завершится через две луны. В день двадцать первого года тело сосуда будет вскрыто, меридианы разрушены. Чистый живой эликсир готов к поглощению. Мое старение будет остановлено навсегда. Проверить Сосуд 2 Шэн Юя на случай деградации каналов первого Сосуда. Его громовая Ци послужит отличным стабилизатором эссенции»*.

Мир вокруг Линь Сюаня рухнул с тихим, оглушительным звоном, расколовшись на тысячи хрустальных осколков. Его слепая вера в Небесный Закон, праведность ордена и справедливость наставников была безжалостно растоптана за одну секунду. Всё, чему его учили с детства, всё, ради чего он четырнадцать лет проливал пот и кровь на тренировочных площадках, оказалось гигантской кощунственной ложью. Здесь таился скрытый детективный заговор, который старейшины Облачного Пика так тщательно маскировали за лазурными шелками. Вкупе с этими страшными строками в его памяти мгновенно вспыхнули все странные судороги последних месяцев, утомляемость и тот самый привкус горького миндаля.

Человек, которому он молился как богу, хладнокровно травил его с самого детства, поднося яд под видом отеческой заботы. Его идеальная жизнь оказалась лишь красивым, чистым загоном на огромной скотобойне. Шэн Юй — его лучший друг, его названный брат — тоже был в опасности, записанный в этих свитках как Сосуд Номер Два, готовый пойти под нож в случае малейшей осечки первого. Вся структура Обители была пропитана ложью и кровью. Пальцы его, сжимавшие кожаные переплеты свитков Судебной Палаты, онемели от дикого ментального шока, а Золотое ядро внутри груди испуганно сжалось, словно пытаясь спрятаться от невидимого ножа наставника.

В глубине лаборатории резко зашевелилась длинная тень Цан Хая. Наставник потянулся к одной из склянок, и его четки из метеоритного железа глухо звякнули в тишине комнаты. Линь Сюань в ужасе отшатнулся от двери, его пальцы мгновенно потеряли чувствительность от паники, и тяжелые свитки отчетов с тихим, шуршащим стуком выскользнули из рук, покатившись по каменному полу коридора. Звук показался ему оглушительным, подобным раскату грома.

— Кто здесь?! — раздался ледяной, пронзительный и яростный окрик Учителя Цан Хая из глубины комнаты, и руны на дверях лаборатории мгновенно вспыхнули карающим лазурным огнем. Воздух в коридоре подземелья стремительно сгустился, превращаясь в давящие, удушливые тиски, готовые раздавить любого нарушителя, а фиолетовые лучи поисковых массивов начали прорезать полумрак.

Линь Сюань не стал отвечать. Дикая, разрывающая сердце боль предательства смешалась с животным паническим страхом за собственную жизнь. Он развернулся и бросился бежать по темным, извилистым лабиринтам пагоды прочь, крепко сжимая в ладони рукоять своего меча «Байсюэ». Он отчетливо понимал: старейшины ордена ему никогда не поверят, Шэн Юй сочтет это безумным бредом, а Судебная гвардия подчиняется только приказам Учителя. На этой парящей горе у него больше не было дома. Были только палачи. Он остался один против всей Поднебесной, преданный самым близким человеком.

Глубокой ночью Первый ученик Севера тайно покинул Обитель Облачного Пика, пробравшись мимо сонных постов стражи. Чтобы Учитель не сразу понял истинную причину его внезапного исчезновения и не бросил в погоню все карательные силы Совета, Линь Сюань инсценировал кражу священных медицинских свитков и побег, навсегда растворившись в густых ночных туманах у подножия хребтов. Он уходил в мир смертных — одинокий, преданный, лишенный дома и обреченный медленно, мучительно умирать от запущенного на полную мощность яда паразита. Каждая секунда его бегства теперь приближала финальную Ян-лихорадку, а фиолетовые нити под кожей ждали своего часа, чтобы выжечь его дантянь до основа-

ния и превратить Золотое ядро в холодный серый пепел Поднебесной. Он уходил, зная, что оставляет за собой Шэн Юя и Мо Сюэ — двух людей, которые станут следующими Сосудами, если он не найдет способ вскрыть этот заговор. Фиолетовая дорога изгнания приняла его под свой невидимый покров, стирая его прошлое навсегда.

ГЛАВА 4. ОХОТА НА БЕЛОСНЕЖНОГО ЖУРАВЛЯ Часть 1

Дождь в Поднебесной Цзянху никогда не смывал пепел сожженных пагод до конца. Он лишь превращал его в липкую, серую и холодную грязь, которая веками въедалась в стыки гранитных плит, намертво въедаась в поры камня. Этот дождь всегда пах одинаково — сожженным бамбуком, мокрой глиной, дешевым ламповым маслом портовых трущоб и старым ржавым железом судебных оков. Земля смертных людей, расстилавшаяся далеко на юг от сияющих орденов Севера, казалась вечным, хлюпающим под ногами кладбищем чужих надежд, где капли небесной влаги смывали дорожную пыль, но обнажали лишь глубокие, незаживающие шрамы изрезанных трактов.

В мире людей туман всегда обладал особым, удушливым весом. В нем не было стерильного, звенящего инея парящих утесов Севера. Он пах навозом, согретым дегтем, прелой болотной травой, въедливым табачным дымом дешевых приграничных кабаков и мокрым речным известняком, который веками точили беспокойные волны Южного канала. Гранитные плиты уездных трактов, разбитые тяжелыми колесами крестьянских телег, казались немymi свидетелями векового увядания Поднебесной, где духовная энергия высасывалась центральными алтарями Советов, оставляя периферии лишь право тонуть в бесконечных осенних штормах. Вся сакральная география по всем Четырем Пределам была выстроена ради сытости двенадцати тысяч адептов Облачного Пика, выкачивая жизненные силы из таких вот захолустных провинций.

Линь Сюань не чувствовал ледяных капель, хотя ливень шел плотной, безжалостной стеной уже несколько часов подряд, превращая узкие, извилистые улицы уездного городка Фэнлин в один бурлящий, грязный поток. Вода яростно хлестала по покосившимся соломенным стрехам ремесленных лавок, заливала деревянные корыта у заброшенных коновязей и смывала нечистоты напрямик в речные стоки. Но весь этот внешний хаос замерзал и угасал в глазах праведника, уступая место глухому внутреннему оцепенению.

Внутри его собственного тела бушевал другой, куда более страшный, ненасытный и разрушительный пожар. Запретный темный яд «Тень Пяти Лепестков» — тот самый, который Учитель годами бережно, с ласковой отеческой улыбкой подносил ему в праздничных пилюлях под видом заботы о его меридианах, наконец перешел в свою финальную, необратимую и смертоносную стадию.

Каждый вдох давался Первому ученику с глухим хрипом, разрывая грудную клетку изнутри, словно под кожу вогнали сотни раскаленных игл, а выдох вырывался из полуоткрытых уст тяжелым облачком пара, окрашенного в болезненный, ядовитый бледно-зеленый цвет. Этот пар оседал на его воротнике липким, горьким налетом, пахнущим болотной гнилью и пережженной алхимической медью. Его светлая, созидательная Ян-ци, рожденная годами безупречных, изнурительных медитаций на летающих скалах Севера, сгорая под натиском древней скверны, сворачивалась внутри Золотого ядра черными удушливыми кольцами. Паразит плавил, выжигал и ломал меридианы, превращая энергетические каналы в обугленные пустыни.

Скверна металась по жилам, не находя выхода, и Линь Сюань отчетливо ощущал, как его лихорадит на пределе человеческих возможностей: кожа горела, кости словно плавились в кипящей магме, а Золотое ядро внутри дантяня билось, как пойманная в железные силки дикая птица, медленно превращаясь в труху. Каждое смещение угасающей энергии отзывалось в груди тупым, раскаленным ударом, напоминающим удары погребального колокола. Жить ему оставалось в лучшем случае несколько лун, и это безумное бегство сквозь штормовую

ночь Юга казалось лишь затянувшейся, мучительной агонией перед неизбежным падением в Бездну. Фиолетовые нити ядовитого паразита под кожей пульсировали всё яростнее, стремясь замкнуться у самой шеи и полностью перекрыть дыхание, превращая его тело в выжженный изнутри Сосуд.

Он бежал по скользким черепичным крышам, и его некогда ослепительно-белые, роскошные одежды Первого ученика Облачного Пика давно превратились в грязные, промокшие насквозь лохмотья. Тонкая синяя вышивка парящих пиков на рукавах халата покрылась копотью, болотной жижей и колючим дорожным репьем, а ледяной меч «Байсюэ» в онемевшей ладони казался неподъемным куском свинца, который с каждым шагом тянул его к сырой земле. Духовная Ци клинка угасала, лазурное сияние стали тускнело, покрываясь грязными разводами.

Ткань парадного одеяния, которая на парящих утесах Севера казалась символом святости и неприкосновенности, здесь, среди мирской грязи Южного предела, выглядела нелепо, жалко и смертельно опасно. Полы халата промокли насквозь, тяжелыми плетями били по окровавленному, сбитому в кровь щиколоткам, а серебряные нити, которыми старейшины ювелирно вышивали облака, теперь безжалостно рвались о бамбуковые выступы зданий и острые края старой глиняной черепицы. Линь Сюань бежал, не разбирая дороги, ведомый лишь остатками первобытного инстинкта самосохранения, в то время как его гордость Первого ученика была растоптана и размазана по крышам этого захолустного уездного городка. Дорожная холщовая пыль въедалась в поры разорванного шелка, смывая последние крохи былого величия и превращая Старшего мастера в затравленного беглого изменника Поднебесной.

За спиной праведника, сокрушая хрупкие деревянные балконы, вывески лавок и черепичные навесы, раздавался тяжелый, идеально синхронный грохот подкованных сапог. Две тысячи воинов элитной Судебной гвардии Облачного Пика — Безликие Каратели Фэн Мо — не отставали ни на один пас. Они двигались единой, монолитной матовой черной волной, рассыпаясь по карнизам и крышам, словно ожившие тени самой Судебной Палаты. От их глухих железных масок, лишенных каких-либо прорезей для глаз или рта, веяло таким могильным, стерильным холодом, что капли дождя замерзали в воздухе, превращаясь в крошечные колючие градины, едва коснувшись их матовой брони.

В их движениях не было человеческой ярости, азарта погони или ненависти к государственному изменнику — только леденящая, канцелярская скука палачей, выполняющих обычную бумажную работу по утилизации отработанного сырья. Они были идеальными куклами Судебной Палаты, шеренгами бездушных марионеток, чья тяжелая, концентрированная Инь-ци выкашивала всё живое на своем пути. От этого давления птицы замертво падали из своих гнезд под стрехами, а бродячие собаки и пьяные погонщики буйволов внизу, на улицах, в ужасе забивались в самые дальние, темные углы приграничных заведений. Карательный отряд Фэн Мо вел строгий математический учет его шагов, распределяя силы двенадцатитысячного ордена для идеальной блокады перекрестков и не оставляя беглецу ни единого шанса на спасение.

— Первый ученик Линь Сюань, — голос командира отряда Фэн Мо разнесся над спящими, замершими домами Фэнлина. Этот звук, усиленный мощным духовным талисманом, звучал ровно, пусто и пугающе механически. Он легко перекрывал яростный рев ливня, пробивая плотные потоки тумана и ввинчиваясь прямо в сознание беглеца. — Согласно статье 4 Кодекса Судебной Палаты Совета, ваши меридианы признаны нестабильными, деструктивными и опасными для благополучия ордена. Сложите оружие во избежание окончательного Искращения Ци, Истинного Безумия и необратимого разрушения дантяня. Учитель Цан Хай ждет вас дома. Обитель Облачного Пика готова принять своего Первого ученика.

Линь Сюань яростно оскалился, и тяжелая, густая капля темной крови сорвалась с его искусанных, разбитых губ, мгновенно растворяясь в потоках ливня. «Учитель ждет вас дома»...

От этих слов внутри его груди вскипела такая лютая, черная горечь, что она на секунду заглушила даже физическую боль от плавающих жил. Еще вчера он сам, стоя на парадном мраморном возвышении перед сотнями коленопреклоненных младших адептов, ровным голосом зачитывать эти самые статьи Кодекса. Он свято, слепо верил в непогрешимость Небесного Закона. Он боготворил своего наставника Цан Хая, считая его живым воплощением земной праведности и Света. Линь Сюань судил еретиков, отправлял людей на казнь, будучи абсолютно уверенным, что несет миру Свет. До той самой проклятой секунды глубокой ночью, пока случайно, возвращаясь из архивов, не открыл дверь тайной алхимической лаборатории Учителя... До того мига, пока не увидел, что праведная обитель — лишь красивый фасад скотобойни, где наставники годами ферментируют Золотые ядра лучших учеников, превращая их в живые «сосуды» для финального заклания ради личного бессмертия. Весь его прежний идеальный мир, сотканный из лазурнейшего шелка и судебных обетов Севера, разлетелся на тысячи осколков за одну секунду, оставив его наедине с удушающим осознанием собственного затянувшегося заклания.

Впереди, на стыке двух крупных ремесленных кварталов, зиял огромный провал улицы шириной в несколько чжанов. Внизу, между полуразрушенными кирпичными стенами домов, бурлил настоящий речной поток, несущий обломки бамбуковых заборов и гнилую солому. Чтобы перелететь это расстояние на мече, нужна была чистая, скоординированная духовная Ци. Линь Сюань стиснул зубы и попытался привычным, вбитым до автоматизма движением направить остатки угасающей Ян-энергии в стопы, активируя полетные руны «Байсюэ». Ответный удар яда был мгновенным и сокрушительным. Запретный паразит «Тень Пяти Лепестков» среагировал на попытку использовать высшую магия ордена как триггер. Раскаленная, ослепительная боль взорвалась под его коленями, словно меридианы ног одновременно прошли раскаленными стальными штырями. Ключевые энергетические узлы оказались намертво заблокированы черными кольцами скверны. Ноги подкосились, кости словно превратились в жидкое, тяжелое олово. Тело праведника отказалось подчиняться воле разума, а фиолетовые искры, рожденные бунтом дантяня, ослепили его, отрезая последние пути к бегству. Ян-лихорадка выжгла каналы до самого основания, полностью лишая Старшего мастера возможности использовать техники Облачного Пика.

Мир перед глазами Первого ученика смазался, перевернулся и поплыл. Он сорвался с крыши и полетел вниз, спиной вперед, ломя своим телом выступающие бамбуковые балки вторых этажей и вывески, прямо в глухой, темный переулок, заваленный гнилой соломой. Линь Сюань закрыл глаза, готовый к тому, что холодные камни мостовой наконец прекратят эту невыносимую, выжигающую душу агонию предательства. Он ждал этого глухого, смертельного удара, который навсегда сотрет из его памяти лазурные руны Облачного Пика и лживую улыбку Цан Хая. Падение прекратилось резко, с чудовищной, оглушающей силой, полностью выбив из его легких последний воздух. Чья-то стальная, нечеловеческая хватка мертвой петель сомкнулась на грязном воротнике его изодранного халата, бесцеремонно рванув вверх и намертво впечатав спиной в сырую кирпичную стену в паре чжанов над землей. Линь Сюань повис, хрипя и судорожно хватая ртом воздух, пока чужая рука удерживала его вес с ленивой, пугающей легкостью хищника, которой никак не могло быть у простого бродяги. Фиолетовые искры ослепления медленно таяли, обнажая перед ним очертания незнакомца, чей могильный холод пробивал ткань куртки.

Линь Сюань с трудом приоткрыл тяжелые веки, сквозь липкую пелену лихорадки пытаясь сфокусировать взгляд на своем спасителе. В голове праведника, вбитый годами тренировок, инстинкт закричал об опасности: перед ним стоял темный заклинатель высшего ранга. Кожа незнакомца была бледной, словно высеченной из белого мрамора, а плотная ледяная аура Тьмы вокруг него была настолько концентрированной, что капли дождя превращались в иней, не успевая коснуться подола его одежды. Напротив него, балансируя на обгоревшей, покрытой копотью балке старой лапшичной, стоял человек. На нем не было ни тяжелых доспехов,

ни парадного плаща заклинателей. Только промокший насквозь свободный халат цвета запекшейся крови и угля, широкие полы которого тяжело колыхались от резких порывов ночного ветра. Его смоляно-черные волосы были небрежно, наспех перевязаны бордовым шелковым шнуром, и лишь одна-единственная прядь у левого виска была абсолютно белой, выделяясь на общем фоне полосой чистого мертвенного пепла — знак высших лисьих демонов Западного предела. Полы его одежды, расшитые темно-красными нитями, тяжело шлепали по босым ногам, игнорируя бушующий вокруг ливень.

Перед ним стоял единственный выживший наследник Клана Безмолвной Ночи, чье пяти-тысячное семейство Цан Хай хладнокровно вырезал десять лет назад ради порабощения крови девяти хвостов демонического лиса Бездны. На груди Янь Цзиня, скрытое мокрой тканью халата, зловеще пульсировало рабское клеймо Кровавого Контракта Хранителя — проклятая цепь, принудительно связавшая темного зверя с Сосудом Ян-Света.

Из-под намокшей челки на Линь Сюаня смотрели глаза, в которых тускло, но зловеще и голодно тлели багровые искры Кровавого Контракта с Тьмой. Рядом с ним, соткавшись прямо из дождевых теней переулка, глухо, угрожающе зарычал огромный чернобурый лис Хуань, чья жесткая шерсть источала отчетливый запах первородной Инь-ци Западного Предела. Лис скалился, обнажая острые клыки, а его глаза светились тем же фиолетово-багровым пламенем, что и у хозяина, готовый в любую секунду перегрызть горло любому Карателю Судебной Палаты. Незнакомец лениво обмахивался черным веером «Цзюфэн», с острых костяных ребер которого срывались едва заметные звуковые вибрации, полностью отсекающие шум ливня и шаги преследователей. Но Линь Сюань успел заметить: на долю секунды этот веер замер в его руке. Холодная, циничная маска бродяги на лице темного мастера дрогнула, а зрачки расширились, отражая безупречную белизну чужих грязных одежд.

В этом пристальном, леденящем взгляде багровых глаз на мгновение промелькнуло нечто такое, от чего у Линь Сюаня прошиб холодный пот — дикая, оглушающая боль узнавания пополам с безумным, зловещим торжеством. Демон смотрел на него так, словно перед ним из пепла восстал Мастер, которого он искал долгих десять лет одиночества. Темный лис узнал эти гордые черты, узнал разворот плеч и даже полуугасшую ауру меча на соломе внизу. Мальчик в белом халате, спасший его когда-то из огня Долины Призраков и отдавший свою налобную ленту, чтобы перевязать раны, теперь вырос и медленно погибал прямо перед ним под гнетом лазурного заговора. Его багровые зрачки судорожно расширились, впитывая каждую деталь разрушенного Ян-контура праведника, а костяная рукоять веера «Цзюфэн» намертво застыла в бледных пальцах.

— Ну здравствуй, бессмертный журавль, — Янь Цзинь вернул лицу ленивую издевательскую ухмылку, хотя его пальцы, держащие воротник праведника, мелко дрожали от колоссального напряжения Контракта, связавшего их Ядра. — Говорят, ты со скандалом упал с наших святых небес. Надеюсь, твои чистые, благородные белые одежды не слишком испачкались в нашей земной грязи. Какая редкая птица залетела в наше грязное болото Цзянху... Что же заставило столь благородного господина пачкать свои шелка в закоулках Юга? Из-под его ленивой развязной маски пробивалась пугающая, монолитная серость Клана Безмолвной Ночи, готовая обрушить всю ярость Бездны на любого, кто посмеет сделать шаг к этому переулку.

Где-то внизу, на центральной улице, с тяжелым лязгом цепей пронеслись Безликие Каратели, так и не заметив скрытый чарами Тьмы и звуковым барьером веера переулок. Грохот подкованных сапог судебной гвардии медленно удалялся в сторону тракта, уводя матовую черную волну преследователей прочь от затаившихся в тени беглецов. Линь Сюань открыл рот, чтобы спросить, кто он такой и откуда знает его имя, но из пережатого горла вырвался лишь тяжелый кашель вперемешку с бледно-зеленым парным дымом яда. Глаза заволакивало окончательной, непробиваемой тьмой. Силы покинули его полностью, а Золотое ядро сделало последний, судорожный удар, готовое окончательно разорвать меридианы и превратиться в пепел.

Янь Цзинь резко перехватил слабеющие руки Мастера Света, стальными пальцами впиваясь точно в акупунктурные точки Хэ-гу на его ладонях. Это не было актом милосердия или злым умыслом — лишь принудительный, жесткий и болезненный запуск Медианного Резонанса Ци. Последнее, что почувствовал Линь Сюань, прежде чем сознание милосердно погасило свет — это как прохладная, ледящая Мо-ци тёмного лиса бесцеремонно хлынула сквозь его ладони прямо в меридианы, проверяя пульс. От Хранителя пахло дождем, горьким пеплом и свежей, холодной мятой. Этот могильный холод коснулся кожи, и огненная, плавающая кости агония паразита внутри его меридианов впервые за многие дни послушно затихла, уступая место звенящей, исцеляющей тишине. Тьма демонического лиса ударила по жилам праведника, как спасительный лед, укрощая Ян-лихорадку и погружая Линя Сюаня в глубокий, неразрывный фиолетовый сон на стыке жизни и смерти. Связанные Контрактом Хранителя, Тёмный Зверь и его Мастер Света начали свой мучительный детективный путь вопреки всей Поднебесной.

ГЛАВА 4. ОХОТА НА БЕЛОСНЕЖНОГО ЖУРАВЛЯ Часть 2

Линь Сюань попытался выдернуть запястье, но оцепенение, сковавшее его измученное, искусанное болезнью тело, было слишком сильным, удушающим. Ледяная Инь-ци Янь Цзиня, проникшая сквозь бледную кожу, походила на спасительный, очищающий мороз, укрощающий бушующий внутри пожар паразита, однако сама мысль о том, что тёмный заклинатель высшего ранга бесцеремонно касается его меридианов, вызывала у Первого ученика инстинктивное, укоренившееся за годы тренировок отторжение. Каждый энергетический канал праведника, взращенный на суровых судебных обетах Севера и святом повиновении Небесну Закону, буквально содрогался от этого кощунственного тактильного контакта, но его израненное Золотое ядро внутри дантяня с жадным, инстинктивным облегчением впитывало этот могильный холод, силой унимая раскаленную Ян-лихорадку паразита.

Тьма и Свет внутри его тела впервые столкнулись в этой критической точке, и Линь Сюань чувствовал, как чужая, оскверненная Мо-ци Западного Предела ленивой ледяной змеей скачет по его жилам, принудительно возвращая раскаленным костям способность дышать. Это прикосновение жгло его праведную душу сильнее любого судебного кнута, порождая внутри его дантяня бурю из удушающей ярости и бессилия — вынужденное спасение от рук еретика казалось изощренным, невыносимым оскорблением, которое он не должен был испытывать в присутствии еретика. Сакральная Ян-энергия Облачного Пика бунтовала против могильного холода Долины Призраков, но меридианы праведника жадно, преодолевая тошноту, впитывали каждую каплю Инь-прохлады, словно растрескавшаяся от засухи земля Южного Предела впитывает первый дождь.

— Отпусти, — выдохнул он, преодолевая слабость и навалившуюся тяжесть. Собственные пальцы онемели, отказываясь подчиняться воле разума, но ладонь по-прежнему лежала на скрытой под грязной мешковиной рукояти «Байсюэ». Голос Первого ученика Севера прозвучал хрипло, сорвано, растеряв всю прежнюю монолитную судебскую гордость и бывшее величие, но в его фиолетовых зрачках, очищенных от лазурной пыли Облачного Пика, всё еще теплилось упрямое, леденящее нежелание сдаваться на милость врага Поднебесной. Линь Сюань до крови закусил собственную губу, пытаясь силой воли заставить Ян-ци вытеснить чужеродный холод из своего предплечья, но его истощенный организм был слишком слаб, полностью подчиняясь спасительным ледяным нитям тёмного мастера, которые ювелирно связывали его разрушенные каналы. Каждое слово давалось ему с хрипом, разрывая грудную клетку изнутри, а лазурные руны на его налобной ленте тусклели, покрываясь серым пеплом ментального увядания.

Янь Цзинь криво ухмыльнулся, но пальцы разжал, небрежным жестом убирая руку обратно в широкий темный рукав бордового халата. Его костяной веер снова пришел в движение, рассекая душный задымленный воздух корчмы и поднимая лёгкий, едва ощутимый мятный сквозняк. В багровых глубинах глаз демона, ушедших в глубокую тень полей его плетеной шляпы, плясали опасные, расчетливые и зловещие искры. Он словно наслаждался каждым мгновением своего триумфа над поверженным врагом, каждую секунду этой долгожданной встречи, зная то, о чем его бледный изможденный собеседник даже не догадывался. Тёмный мастер лениво откинулся на спинку колченогого деревянного табурета, и его серебряные, как пепел, волосы мягким шёлковым покрывалом скользили по жирным доскам, ловя багровые неровные отсветы чадающего в центре зала очага.

Под его обманчиво расслабленной, вальяжной позой портового гуляки и наемника скрывался холодный, расчетливый ум стратега, который десять лет сгорал в одиночестве на пепе-

лице Долины Призраков и теперь ни за что на свете не собирался выпускать своего бело-снежного журавля из ледяного капкана. Демон вел свою скрытую детективную игру, ювелирно просчитывая каждый вздох раненого праведника и наслаждаясь его полной беспомощностью перед лицом надвигающейся Тьмы. Он лениво покачивал костяной рукоятью «Цзюфэн», и этот мерный звук напоминал шорох сухого бамбука на могилах предков его уничтоженного Клана Безмолвной Ночи.

В этот момент трактирщик, суетливый толстяк с грязным засаленным полотенцем через плечо, судорожно обтирая руки, выставил на их колченогий стол запыленный глиняный кувшин. От вина пахло приторной, тяжелой и удушливой сладостью цветущего османтусового дерева. Этот аромат алкоголя мгновенно смешался с запахом чеснока, болотного дегтя, дешевого табачного дыма и прелой соломы, царившими в зале, создавая ту самую вязкую, грязную атмосферу мира смертных, от которой у привыкшего к стерильному горному озону Линя Сюаня кружилась голова. Мирские наемники и бродячие торговцы тканями за соседними столами продолжали громко хохотать и стучать пиалами, даже не догадываясь, что рядом с ними замерли две величайшие и смертоносные силы Поднебесной, способные одним движением пальцев превратить это захоlustье в ледяное пепелище. Сами закопченные балки потолка таверны, казалось, прогнулись под весом невидимого напряжения, сгущавшегося в самом темном углу зала.

— Ваше вино, бессмертные господа... — пролепетал толстяк и, не дожидаясь оплаты, испуганно шмыгнул обратно за свою грязную стойку, подальше от ледящей ауры, что исходила от стола в самом темном углу за бамбуковой ширмой. Жидкая грязь на полу, натекая с сапог погонщиков буйволов, вокруг их стола уже успела подернуться тонкой, хрустящей коркой лазурного инея, заставляя даже самых пьяных посетителей инстинктивно поджимать ноги и утихать под весом невидимого духовного давления. Стены таверны словно сжались, впитывая этот неестественный могильный холод, исходящий от бордовых шелков Янь Цзиня. Трактирщик забился под стойку, судорожно крестясь и шепча молитвы Нефритовому Императору, лишь бы эти двое странных гостей поскорее покинули его заведение смертных.

Янь Цзинь лениво потянулся к кувшину, но налить напиток не успел.

Сложной оглушительный гул ливня за толстыми бревенчатыми стенами таверны внезапно изменился. Сквозь яростный рев воды и тяжелые шлепки приграничной грязи до Линя Сюаня донесся другой звук — сухой, ритмичный, пугающе знакомый марш подкованных сапог, бьющих по камням Южного тракта в идеальном, безупречном унисоне. Так передвигалась только Судебная Палата Севера. Из двухтысячного элитного карательного корпуса Облачного Пика сюда прибыл целый передовой отряд. Каратели Небесного Закона. Его бывшие братья по ордену, шедшие по его след сквозь штормовую ночь, словно гончие псы, натренированные на выслеживание Ян-энергии изменников. Этот тяжелый, монотонный шаг заставил базальтовое основание очага мелко задрожать, а глиняные пиалы на жирных досках столов жалобно зазвенели, предвещая скорое начало безжалостной судебской расправы. Линь Сюань внутренне подобрался, чувствуя, как страх перед наставником снова пытается сковать его волю, а паразит в его груди радостно запульсировал в такт приближающимся шагам палачей. Окружающее пространство наполнилось тяжелым, канцелярским холодом, вытесняющим остатки мирских запахов таверны. Каждый удар подкованного сапога отдавался в голове Линя Сюаня глухими ударами похоронного гонга, заставляя его меридианы испуганно сжиматься.

Шум в зале оборвался мгновенно. Пьяные наемники, бродячие торговцы дешевыми тканями и погонщики буйволов замерли, пиалы застыли у их ртов. Вся таверна «У Цин» погрузилась в удушливую, гробовую тишину, в которой отчетливо слышался лишь треск сырых поленьев в очаге и яростный рев шторма за окном. Людские бродяги инстинктивно почувствовали приближение силы, превосходящей их понимание, и замерли, боясь сделать даже лишний выдох. Наемники, сидевшие у входа, побросали свои игральные кости и испуганно потяну-

лись к рукоятям тесаков, бледнея под натиском могильной Ци. Один из торговцев, прижавшийся ухом к щели в бревенчатой стене, испуганно отшатнулся, округлив глаза от первобытного страха перед «бессмертными господами», чьи шаги звенели по камням Южного тракта всё ближе и неумолимее.

— Они оцепили перекресток... Черные маски... Лазурные знамена... Сама Судебная Палата здесь... Пропали мы... — пролепетал он бледными, дрожащими губами, забиваясь в самую дальнюю щель между бочками.

В следующую секунду тяжелая дубовая дверь корчмы разлетелась в мелкие щепки от чудовищного удара духовной Ци. В проем вместе с клубами холодного воздуха хлынул ледяной ночной ветер, смешанный со сплошной стеной дождевых брызг, и вместе с ним в задымленный зал вошли три массивные фигуры в матовых черных доспехах, полностью поглощающих свет масляных ламп. Их лица скрывали глухие железные маски с узкими прорезами, из-под которых веяло таким могильным, стерильным и канцелярским холодом, что капли дождя замерзали в воздухе, превращаясь в крошечные градины, едва коснувшись их брони. В их движениях не было человеческой ярости, азарта погони или ненависти к государственному изменнику — только леденящая скука палачей, выполняющих обычную бумажную работу по утилизации отработанного сырья ордена. Они двигались монолитной черной волной, заставляя мирских людей в панике забиваться под скамьи и опрокидывать глиняную посуду. Каждое их движение было выверено, лишено лишних пассивов, транслируя непреклонную волю Совета Великих Кланов Поднебесной. Матовая броня Карателей поглощала багровые отсветы очага, превращая их фигуры в провалы абсолютной пустоты посреди задымленной корчмы.

Командир Фэн Мо сделал тяжелый шаг вперед по скрипящим доскам пола, и в его законных в латы руках зловеще, со скрежетом натянулись массивные метеоритные цепи. Кандалы подавления Ци. Тяжелые железные звенья, выкованные в закрытых алхимических гротах Севера и исписанные золотыми рунами Подавления Меридианов, тускло поблескивали в багровых бликах огня, готовые вбить свои блокирующие клинья прямо в Золотое ядро беглеца, лишая его возможности колдовать, использовать полетные техники меча или сопротивляться воле наставника. Вес этого проклятого железа казался Линь Сюаню неподъемным, удушающим грузом, который он столько раз видел на запястьях осужденных еретиков. Метеоритное железо цепей тихо вибрировало, вступая в разрушительный резонанс с Ян-каналами Линя Сюаня и заставляя фиолетовые капилляры яда на его шее пульсировать быстрее.

— Первый ученик Линь Сюань, — ровный, лишенный малейших человеческих интонаций голос Фэн Мо из-под маски разнесся над притихшим залом, усиленный духовным талисманом. — Ваше тайное бегство, осквернение алхимических лабораторий и похищение священных реликвий признаны государственной изменой Совету Поднебесной. Опустите меч «Байсюэ» и примите Печать Молчания. Учитель Цан Хай ждет вашего немедленного возвращения домой. Из Обители Облачного Пика нет выхода, и твой четырнадцатилетний загон должен закрыться сегодня ночью у подножия трона. Сложите оружие во избежание окончательного разрушения дантяня. Твой побег — лишь минутная глупость созревающего Сосуда.

Мирские люди с криками и проклятиями бросились врассыпную, забиваясь под столы и опрокидывая скамьи. Торговцы тканями в панике бросали свои корзины с товаром, а сам трактирщик кубарем скатился в темный погреб, спасая свою жизнь от карающего давления Инь-ци гвардейцев Палаты. Линь Сюань медленно поднялся, опираясь ладонью о край жирного стола. Резкое движение мгновенно разбудило затаившийся внутри его каналов яд — раскаленная судорога кольнула грудную клетку, заставив его пошатнуться, а изо рта вырвался короткий бледно-зеленый выдох паразита «Тени Пяти Лепестков». «Байсюэ» в мешковине казался неподъемным слитком свинца, который тянул его к сырой земле. Он отчетливо понимал: в нынешнем лихорадочном состоянии, когда Ян-ци выкипала черными удушливыми кольцами, а меридианы ног были заблокированы скверной, Фэн Мо разобьет его меридианы первым же

ударом метеоритного кнута, превратит его дантянь в пепел и вырежет Золотое ядро прямо на глазах у наемников. Руки его дрожали, а сознание плыло под натиском ослепляющего Ян-пожара. Горло сдавило новым спазмом, и горький миндальный вкус заполнил рот, отнимая последние силы.

— Какая невыносимая, удушливая скука, — раздался за его спиной ленивый, каркающий смешок, полностью лишенный малейшего признака страха.

Янь Цзинь даже не поднялся с табурета. Он небрежно поднес глиняную пиалу к губам, сделал один медленный, смакующий глоток приторного османтусового вина и лишь затем повернул голову к застывшим у входа Карателям. Из-под его ногтей, пачкая полы бордового халата, тонкими струйками поползла густая черная Инь-ци, заставляя лужи на полу таверны стремительно покрываться тонкой коркой льда. Багровая Тьма Кровавого Контракта лениво зашевелилась над его сердцем, выжигая остатки сонного цинизма и обнажая хищные черты лица Хозяина Долины Призраков. Его багровые зрачки зловеще зажглись в полумраке корчмы, ловя отсветы лазурных рун судей. Пепельная прядь у его виска грозно вспыхнула серебром, транслируя в пространство вокруг стола ауру первородного хаоса Западного Предела. Ленивая маска шута слетела с него в одно мгновение, обнажив черты мраморного изваяния, готового сокрушить любого на своем пути. В этот миг от него пахнуло горьким пеплом Долины и пыльной каньоной, и этот темный запах дикого зверя Бездны начал яростно вытеснять стерильный озон судейских масок из зала.

— Вы, безликие псы Судебной Палаты, вечно портите мне ужин, — вздохнул темный мастер, и его пепельная прядь у левого виска грозно блеснула серебром в полумраке. — У уездного начальника Фэнлина были халаты побогаче ваших, но даже он не позволял себе ломать двери в приличных заведениях Южного тракта. Ваши матовые латы выглядят слишком дешево и безвкусно для того, чтобы преграждать мне дорогу к моему кувшину. Вы привыкли пугать мирских свиней своим железом, но для Клана Безмолвной Ночи ваши цепи — лишь пустой, никчемный хлам кузнецов.

Фэн Мо перевел взгляд на бордовый шёлк бродяги, и его метеоритные цепи натянулись сильнее, издав сухой металлический скрежет, от которого у Линь Сюаня волосы на затылке встали дыбом.

— Оскверненный Западного Предела. Ошибка природы, чудом выжившая в огне Долины Призраков десять лет назад, — голос Карателя Фэн Мо оставался ровным и канцелярским, не меняя своей леденящей тональности. — Согласно нерушимым законам Цзянху и приказам Совета Великих Кланов, приговор: уничтожить на месте при любом проявлении сопротивления. Пепел твоего отца Яня Ли давно развеян по Черным шахтам Юга, демон, и сегодня твоя оскверненная Инь-ци вернется обратно в Бездну Поднебесной. Рабы не имеют права носить веер и сидеть за одним столом с Сосудом.

— Попробуй, судейская псина, — оскалился Янь Цзинь, обнажая острые демонические клыки.

Фэн Мо хлестнул воздухом. Тяжелая черная цепь Подавления со свистом полетела прямо в грудь Линь Сюаню, готовая вбить свои метеоритные клинья прямо в его Золотое ядро и полностью парализовать каналы Ци. Скорость удара была запредельной, звенья рассекали задымленный воздух таверны, оставляя за собой рваный шлейф серого дыма. Праведник, скованный плавающей Ян-лихорадкой яда и оцепенением, не успевал даже вскинуть онемевшую руку для блока. Он видел, как черное метеоритное железо летит прямо в его дантянь, неся с собой окончательное разрушение и вечное безмолвие Печати.

Янь Цзинь резко, с пушечным хлопком захлопнул свой черный веер «Цзюфэн». Невидимая разрушительная ультразвуковая волна — «шёпот чёрного бамбука» — сорвалась с костяных ребер оружия и врезалась в летящий металл. Тяжелые метеоритные звенья со страшным металлическим скрежетом отклонились в сторону, в щепки разнеся соседний деревянный при-

лавок трактирщика, разбив полки со склянками и опрокинув чаны с прокисшим вином. Звуковой таран Клана Безмолвной Ночи сокрушил карающий импульс Палаты, заставив сами бревенчатые стены корчмы «У Цин» жалобно затрещать, а балки потолка осыпаться вековой трухой. Вибрация от удара была столь велика, что уцелевшие глиняные пиалы на столах разлетелись в мелкую пыль, а бамбуковая ширма в углу развалилась на отдельные прутья. Инь-магия веера вошел в идеальный, сокрушительный резонанс со структурами Севера, начисто гася судейскую Ци Карателей.

В ту же секунду ледяная, жесткая ладонь Янь Цзиня стальными тисками перехватила дрожащие запястья праведника, прижимая их к доскам настила. Это не было актом милосердия или злым умыслом — лишь суровая, вынужденная боевая фиксация зверя и экстренный запуск Контракта Хранителя. Демонический лис с силой вогнал свои бледные пальцы точно в акупунктурные точки Хэ-гу на ладонях Хозяина, принудительно перекрывая бунтующие Ян-каналы. Это не было деликатностью — это была жесткая, болезненная выкачка скверны.

Через это жесткое физическое слияние потоков Ци их меридианы намертво замкнули первый вынужденный Медианный Резонанс Ци. Линь Сюань судорожно выгнулся навстречу его ледяному телу, теряя остатки судейского самообладания от дикой, выворачивающей жилы боли, когда раскаленный яд «Тени Пяти Лепестков» послушно отступил от его шеи, и видимый зеленый ядовитый пар паразита начал тонкими змейками выползать прямо из-под его ногтей и кожи ладоней, перетикая в вены Хранителя. Тёмный лис хрипел, принимая скверну на себя и перерабатывая её внутри своего Ядра Чёрного Пепла благодаря мощной Инь-регенерации Бездны, даруя праведнику секундную вспышку ясности и унимая Ян-пожар в груди. Демон буквально выдернул его из-под падающих обломков крыши.

— Прыгай, Мастер! И не вздумай оборачиваться назад! — рявкнул лис, начисто, в одно мгновение растеряв всю свою ленивую маску бродяги.

Одним мощным, выверенным рывком тела он увлек Линь Сюаня за собой, с грохотом пробивая хлипкое деревянное окно уборной за бамбуковой ширмой. Старые ставни и доски разлетелись в щепки под весом двух тел заклинателей Цзянху. Они вылетели наружу, прямо под проливной ледяной ливень Южного тракта Поднебесной, покидая душный чад таверны Фэнлина. Холодная вода мгновенно облепила грязные шелка Линь Сюаня, приводя его в чувство и смывая болотную копоть с серебряной вышивки облаков. Воздух выбило из легких от сильного удара о мокрую черепицу пристройки, по которой они покатались юзом вниз, в серую дорожную грязь узкого переулка.

Позади из разбитого проема таверны донесся яростный рев Фэн Мо и тяжелый топот Карателей, бросившихся в погоню сквозь обломки деревянных стен. Ловушка Учителя Цан Хая захлопнулась окончательно, детективная нить заговора натянулась, и теперь у беглого Хозяина лазурных рун и его тёмного Хранителя осталась только одна общая фиолетовая дорога — вглубь диких, проклятых туманами земель Восточного Предела, где их Медианный Резонанс и суровый Контракт Хранителя станут единственным законом выживания вопреки всему Небесному Закону империи.

ГЛАВА 5. ОБНОСКИ ПРОСТОЛЮДИНОВ Часть 1

Влажный туман Восточного Предела не походил на звенящий, стерильный озон парящих утесов Куньлуня. Здесь, в бескрайнем озерном крае Города Зеленого Лотоса, воздух казался тяжелым, жирным и почти осязаемо липким. Он насквозь пропитался густыми ароматами речного известняка, подгнивающих водорослей, болотной камфоры и сушеной полыни, которую местные фармацевты веками вываривали на бамбуковых сваях своих аптечных складов. Вся сакральная структура Востока была выстроена на воде: извилистые деревянные павильоны, мостки и причалы образовывали бесконечный, хаотичный лабиринт, в недрах которого без труда могли затеряться любые беглецы Поднебесной. Но для Линя Сюаня, привыкшего дышать чистым горным хрусталем Севера, эта болотная сырость казалась удушливой петлей, медленно стягивающей его израненное горло.

Они пробирались сквозь глухие, заброшенные камышовые протоки уже третьи предрассветные сумерки. Ян-ци внутри дантяня Первого ученика выкипала сплошными рваными кольцами, и каждый глубокий вдох давался ему с протяжным, сухим хрипом. Запретный паразит «Тень Пяти Лепестков» под воздействием речной сырости окончательно взбунтовался, выжигая энергетические каналы до самого основания. Видимый бледно-зеленый пар яда толчками вырывался из полуоткрытых уст праведника, оседая на его изорванном, покрытом копотью и грязью белоснежном воротнике липким налетом. Линь Сюань едва переставлял ноги, его левая ладонь, онемевшая от лихорадки, судорожно опиралась на плечо шедшего впереди Яня Цзиня, а правая по-прежнему мертвой хваткой сжимала неподъемный, угасший меч «Байсюэ».

Тёмный мастер двигался бесшумно, словно дождевая тень, ленивым, но расчетливым шагом хищника рассекая камышовые заросли своим костяным веером «Цзюфэн». Его свободный халат цвета запекшейся крови и древесного угля промок насквозь, а единственная абсолютно белая пепельная прядь у левого виска тускло поблескивала в полумраке, транслируя в пространство вокруг них Инь-прохладу Западного Предела. Рабское клеймо Кровавого Контракта над его сердцем зловеще горело сквозь мокрую ткань куртки, принудительно заставляя демона делить боль своего изможденного Хозяина.

— Держись, святой журавлик, — лениво, с привычной издевательской ухмылкой процедил Янь Цзинь, хотя его бледные пальцы, перехватившие ладонь Сюаня в районе акупунктурной точки Хэ-гу, мелко дрожали от колоссальной перегрузки их связанных Ядер. — Твои благородные небесные меридианы сейчас взорвутся, как перегретый котел кузнецов Юга. Если ты свалишься в эту болотную жижу прямо сейчас, мне придется тащить твои чистенькие шелка на собственной спине, а я слишком ценю свой бордовый халат, чтобы пачкать его в уездной грязи Востока.

Впереди, на стыке двух крупных заброшенных протоков, из плотных колец тумана бесшумно, словно бледный призрак, вынырнул длинный узкий силуэт лодки-плоскодонки. На самом носу судна, укутанная в ветхий конопляный плащ бродяг, неподвижно сидела А-Мэй — слепая контрабандистка речных каналов, чьи серые, лишённые зрачков глаза неотрывно смотрели в пустоту. Она зарабатывала на жизнь тем, что тайно перевозила запретные грузы и марионеток Сун Чэня мимо постов Лазурной стражи, и её старое бамбуковое весло беззвучно опускалось в черную маслянистую воду канала, не оставляя на поверхности ни единого всплеска.

— Живее, оскверненные, — глухо, каркающим голосом бросила старуха, не поворачивая головы к беглецам. — Гвардия Лю Ин оцепила весь Центральный причал «Спящие карпы». 420 лекарей ордена подняты по тревоге. Они ищут Первого ученика Севера, и если Лазурная стража найдет вашу плоскодонку в моих камышах, Судебная Палата взобьёт из моих костей отличную алхимическую муку. Ныряйте на самое дно, под корзины с гнилой рыбой, и не смейте издавать ни единого пасса Ци до самого рассвета.

Янь Цзинь рывком увлек слабейшего, полуобморочного Линя Сюаня за собой, буквально втискивая его тело на гнилой бамбуковый настил дна лодки. Праведник бессильно растянулся на сырой соломе, его разорванный шелковый халат мгновенно пропитался речной жижей и чешуей, а сознание медленно угасало под натиском ослепляющего Ян-пожара дантяня. Янь Цзинь накрыл его сверху широкими полами своего серого дорожного плаща, полностью изолируя ауру Старшего мастера от внешнего мира.

В ту же секунду из груды пустых холщовых мешков в углу кормы, шумно зашевелившись, выкатился огромный пушистый ком. Это был кролик Бай Юй. Но этот священный зверек, тайно вынесенный Мо Сюэ из верхних пагод Обители, мало напоминал обычных мирских грызунов — размером он был с крупную борзую собаку, его безупречно-белый мех сиял мягким серебристым светом, а большие рубиновые глаза смотрели на тёмного лиса с выражением царственного презрения.

Бай Юй бесцеремонно прыгнул вперед, с глухим стуком усевшись массивными лапами прямо напылающую, иссеченную раскаленными черными венами грудную клетку Линя Сюаня. Священный зверь шумно вздохнул и чихнул, выпустив из ноздрей густое облако прохладной, серебряной духовной пыли, сонастроенной с созидательной Ци Севера. Пыльца мгновенно впиталась в поры кожи праведника, и плавающая кости Ян-лихорадка внутри его меридианов впервые за последние часы послушно затихла, уступая место временному, исцеляющему покою. Чернобурый лис Хуань — фамильяр Яня Цзиня — от этого зрелища испуганно пискнул и с позором забился под самые сапоги своего хозяина, боясь даже смотреть в сторону сияющего грызуна.

Лодка слепой А-Мэй беззвучно скользила по темным, извилистым лабиринтам камышей, унося беглого Хозяина лазурных рун и его Тёмного Хранителя в самое сердце Восточного Предела. Детективная петля заговора стягивалась всё плотнее, и впереди их ждала лишь приграничная лавка старьевщика, где им предстояло навсегда сбросить свои орденские маски.

ГЛАВА 5. ОБНОСКИ ПРОСТОЛЮДИНОВ Часть 2

Джонка слепой А-Мэй глухо, со шуршанием ткнулась носом в прогнивший, покрытый скользкой зеленой тиной бамбуковый настил причала у самой кромки Плавающего рынка. Туман здесь висел настолько плотный, жирный и сизый, что очертания лавок старьевщиков и портowych складов казались зыбкими, дрожащими призраками. Воздух насквозь пропитался въедливым запахом дешевой конопляной олифы, мокрой речной глины, протухшей рыбы и резкими, камфорными парами, доносившимися из дальних павильонов Ордена Безмятежных Вод. В этом месте Поднебесная Цзянху окончательно теряла свое ослепительное лазурное величие, превращаясь в грязный, эгоистичный и жестокий муравейник, где человеческая жизнь стоила дешевле пиалы пресного риса.

Янь Цзинь первым бесшумно ступил на шаткие доски причала, придерживая полы своего халата цвета запекшейся крови и угля, и рывком вытянул за собой Линя Сюаня. Первый ученик Севера едва держался на ногах; серебряная прохладная пыльца кролика Бай Юя лишь временно приглушила свирепый пожар яда в его дантяне, но его меридианы по-прежнему пульсировали рваными, болезненными толчками. Каждое движение отзывалось в грудной клетке тупым, раскаленным ожогом, а фиолетовые вены паразита под кожей шеи тускло, но зловеще пульсировали в такт его тяжелому дыханию.

Тёмный лис, лениво оглядевшись по сторонам сквозь прорези своей плетеной дорожной шляпы, увлек праведника в узкий, смердящий сыростью проход между павильонами и толкнул покосившуюся дверь лавки старьевщика. Внутри пахло нафталином, прелой коноплей, старым железом и плесенью. Засаленный мирской хозяин лавки, испуганно шмыгнув носом под тяжелым, могильным Инь-давлением Яня Цзиня, без лишних слов вышвырнул на прилавок две кучи грубой, конопатой дорожной одежды простолюдинов.

Разрыв роскошного, ослепительно-белого шёлкового халата Первого ученика прозвучал в тишине пыльной лавки как сухой, сокрушительный выстрел лука, навсегда отсекающий Линя Сюаня от его прежней святой жизни в Обители. Тонкая синяя вышивка парящих пиков, серебряные нити облаков на рукавах и лазурная налобная лента — высший символ орденской чести — безжалостным грязным комом полетели на заплеванный пол под лавку.

Когда Линь Сюань облачился в грубую конопляную дерюгу коричневого и серого цвета, свободного и нелепого кроя, он почувствовал, как вместе с шёлком с него слетела вся его бывшая судейская неприкосновенность. Без парадного нефритового венца-гуань и лазурных лент он превратился в обычного, беглого изменника, в грязного бродягу портowych трущоб Восточного Предела, чьи меридианы заживо выжигал тёмный паразит кукловода.

Но самым тяжелым испытанием для гордости праведника оказались его собственные волосы. Длинная смоляно-черная грива, которую на Севере адепты укладывали волосок к волоску, теперь тяжелыми, запутавшимися и влажными прядями спадала на его плечи, закрывая лицо. Линь Сюань попытался привычным, вбитым до автоматизма движением собрать волосы на макушке, чтобы закрепить их простой шпилькой, выточенной из столетнего черного бамбука. Однако его пальцы от непрекращающейся Ян-лихорадки яда так сильно, лихорадочно дрожали, что бамбуковая заколка-цзи то и дело выскальзывала из онемевших ладоней, со шуршанием катясь по пыльным доскам.

Янь Цзинь, молча наблюдавший за его тщетными попытками от стены лавки, лениво сделал два шага вперед. Его бледная, широкая рука стальными, прохладными пальцами бесцеремонно перехватила дрожащее запястье праведника, заставив Сюаня инстинктивно вздрогнуть и схватиться за эфес угасшего «Байсюэ».

— Дай сюда, святой журавлик, — лениво, с привычной ухмылкой процедил тёмный мастер, забирая бамбуковую шпильку из его рук. — Твои благородные небесные ручки сейчас

годятся только для того, чтобы рассыпать алхимический порошок по углам. Если ты продолжишь так махать пальцами, Лазурная стража Лю Ин вычислит нас по свисту твоих меридианов еще до того, как мы покинем этот причал.

Янь Цзинь без малейшего почтения, но с пугающей, точной грацией хищника встал прямо за спиной Линя Сюаня. Это был строгий, жесткий тактильный этикет Хранителя и его Мастера, вынужденных замыкать Контур выживания. Демонический лис запустил свои прохладные пальцы прямо в смоляную гриву праведника.

Через это прикосновение кожа к коже его леденящая Инь-чи Западного Предела мягким, очищающим потоком проникла в акупунктурные точки на затылке Хозяина, мгновенно укрощая бунт Ян-вихрей в его дантяне и возвращая раскаленным костям способность дышать. Линь Сюань судорожно выдохнул, его голова бессильно в полубморочном состоянии откинулась назад, меридианы затылка обожгло могильным холодом. Он чувствовал плотную, осязаемую Инь-ауру Хранителя — горький пепел Долины Призраков, смешанный с дикой полыньей и свежей прохладной мятой.

Янь Цзинь уверенными, крепкими движениями собрал его длинные локоны в простой, тугий узел простолюдина на макушке и одним точным пассом насквозь прошел его бамбуковой заколкой-цзи, намертво фиксируя прическу. Контракт Небесной Собаки внутри их груди сладостно, согласно затрепетал, подтверждая, что Тёмный Зверь своими руками укротил бушующую энергию своего Хозяина, запечатав его Ци под простонародной шпилькой. Линь Сюань медленно открыл фиолетовые зрачки, и его судейский стыд от этого вынужденного сближения смешался со страшным, удушающим осознанием: его меридианы теперь полностью зависели от Инь-прохлады этого демона. Они сонастроили свои шаги в один идеальный, безупречный такт, и детективный квест первого тома сделал свой очередной шаг вглубь проклятого Города Зеленого Лотоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.